

TARTU RIIKLIKU ÕLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.

VIIK 370 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

XVII

TARTU 1975

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIIIK 370 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

XVII

TARTU 1975

Редакционная коллегия: В. Кельдер, Э. Лаасик, И. Мялл, И. Ра-
бане, Э. Салумаа (председатель), П. Вихалем,
Отв. редактор: В. Кельдер.

О РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЭСТОНСКОЙ ССР

Ж. К. Ананьева, П. П. Касък, Э. Я. Лаасик

Советская Эстония, развиваясь в качестве равноправного члена великой семьи советских народов, достигла к пятидесятилетию Советского Союза высокого уровня развития экономики, подлинного расцвета национальной культуры, развития всех материальных и культурных сил народа. В республике создана стройная система советского законодательства, успешно развивается юридическая наука и неуклонно повышается правосознание народа.

История становления и развития в Эстонии отдельных отраслей советского законодательства, представляющая несомненную научно-практическую ценность, еще ждет своих исследователей. Данная статья является лишь первой попыткой осветить некоторые основные этапы развития в Эстонии гражданского законодательства и цивилистической мысли.

Развитие социалистического гражданского законодательства в Эстонии началось в период победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления советской власти в Эстонии (1917—1919 гг.). Исполком Советов Эстонии, а затем Совет Эстляндской трудовой коммуны, основываясь на первых Ленинских декретах советской власти о земле, о рабочем контроле, национализации банков и др., провели не только большую организационную, но и правотворческую работу, направленную на закрепление завоеваний социалистической революции и осуществление основной линии экономической политики советской власти.¹ Эти правовые акты разрушили костяк буржуазного гражданского законодательства — институт права частной собственности и положили начало образованию института права государственной социалистической собственности. Этим самым буржуазное обязательственное право лишилось своей основы. Кроме того, ряд специаль-

---

¹ См. Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis, dokumentide ja materjalide kogumik. Tln., 1957, lk. 50—51, 537, 560.

ных актов: постановление о запрещении сделок с недвижимостью, об отмене арендной платы за землю, о запрещении вывоза зерна и др., — существенно ограничили рамки частного оборота. С точки зрения установления прав граждан, большое значение имели постановления об отмене сословных привилегий, о ведении судопроизводства на национальном языке и др.²

Эта созидательная работа была прервана в январе 1919 года, когда эстонской буржуазии при активной поддержке англо-американских империалистов удалось задушить Эстляндскую трудовую коммуну и установить свою диктатуру.

В буржуазной Эстонии было восстановлено действие дореволюционных законов. Гражданское законодательство, закреплявшее основу буржуазного строя — частную собственность, отличалось наличием множества архаичных источников различного действия по кругу лиц и территории. Происхождение большей части источников относилось к середине, а некоторые даже к началу XIX века.

Законодательная деятельность буржуазного правительства сводилась в основном к изданию нормативных актов, направленных на приспособление феодального законодательства к требованиям капиталистической экономики. Все это крайне усложнило гражданское законодательство, обновление и систематизация его стала необходимой. Эта задача, однако, оказалась непосильной правительству буржуазной Эстонии. Комиссия, образованная в начале 20-х годов для подготовки проекта Гражданского кодекса, завершила свою работу лишь к концу 1939 года, однако законом этот проект не стал. Правительству буржуазной Эстонии, занятому подавлением растущего революционного подъема масс и сколачиванием антисоветского военного союза прибалтийских государств, очевидно, было уже не до гражданских законов.

Буржуазная цивилистическая доктрина за весь этот период не получила в Эстонии заметного развития. Литература ограничивается в основном статьями в периодических изданиях и авторизованными конспектами лекций. Заслуживает внимания лишь работа ученых Тартуского университета по созданию юридической терминологии на эстонском языке. Первый Эстонский юридический словарь³ был ценным пособием в законодательной работе и после восстановления советской власти в Эстонии.

---

² См. Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis, lk. 512.

³ F. Karlson — J. V. Veski. Õigusteaduse sõnastik. Kujustanud ja toimetanud Elmar Ilus. Tartu, 1934.

С восстановлением советской власти в Эстонии и принятием ее в качестве союзной республики в состав Союза ССР (август 1940 г.), открывается и новый этап в развитии ее советского гражданского законодательства.

Эстонская ССР использовала богатый опыт законодательной работы и наличие развитого кодифицированного законодательства РСФСР. По просьбе Правительства Эстонской ССР Президиум Верховного Совета Союза ССР Указом от 6 ноября 1940 года⁴ разрешил применять временно, до издания общесоюзных кодексов, на территории Эстонской ССР уголовный, уголовно-процессуальный, гражданский и гражданский процессуальный кодексы РСФСР, а также кодекс законов о труде и кодекс законов о семье, браке и опеке. 30 декабря 1940 г. эти кодексы были введены в действие Указом Президиума Временного Верховного Совета Эстонской ССР.⁵ 1-го февраля 1941 года был издан также Указ о применении в Эстонской ССР морского права СССР.⁶

Таким образом, на всей территории Эстонии к началу 1941 года было прекращено действие буржуазных гражданских законов и введено кодифицированное советское законодательство. Советская Эстония с помощью братских союзных республик совершила за несколько месяцев такой огромный скачок в развитии гражданского законодательства, какой не смогла сделать буржуазная республика за все 20 лет своего существования.

В это время была заложена и основа для развития советской цивилистической мысли в Эстонии. Для кадров советских юристов кафедрой гражданского права Тартуского государственного университета в кратчайший срок был переведен на эстонский язык учебник Советского гражданского права. Он был опубликован в 1941 году.⁷ В то же время была переведена и опубликована серия научно-популярных брошюр в помощь практикам и для населения. Захват территории Эстонии немецко-фашистскими оккупантами летом 1941 года снова прервал в ней советское государственное строительство.

После освобождения Эстонии от фашистских оккупантов Президиум Верховного Совета, Совет Народных Комиссаров и ЦК Коммунистической Партии Эстонии вынесли 7 сентября 1944 года постановление⁸ об отмене всех законов оккупационных властей, а также т. н. «Самоуправления Эстонии» и о

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 46.

⁵ Ведомости Эстонской ССР, 1940, № 73, ст. 1007.

⁶ Ведомости Эстонской ССР, 1941, № 15, ст. 169.

⁷ Nõukogude tsiviilõigus. Tartu, 1941.

⁸ Ведомости Эстонской ССР, 1944, № 1, ст. 1.

восстановлении на всей территории ЭССР действия всех законов, постановлений и распоряжений советской власти, изданных в 1940—1941 гг. и не отмененных постановлениями органов советской власти. При применении советского гражданского законодательства было принято за исходное положение о том, что на временно оккупированной территории Советской Эстонии в течение всего времени оккупации действовали советские законы.⁹

СНК ЭССР издал ряд нормативных актов, направленных на урегулирование имущественных отношений в послевоенный период, например, акты о порядке возвращения незаконно захваченного имущества социалистических организаций и граждан, о судьбе трофейного и бесхозного имущества¹⁰ и др. Издан был также ряд гражданскоправовых актов, регулирующих отношения личной собственности, жилищные отношения и другие. Некоторые из этих актов не потеряли своего значения и до сего времени.

В дальнейшем большое значение для развития гражданского законодательства имело закрепление в Конституции Эстонской ССР коренных изменений всего социально-экономического уклада в результате победы социализма в республике.

Развитие и применение гражданского законодательства базировалось на марксистско-ленинской гражданскоправовой теории, достигшей большого развития в старших братских союзных республиках.

За период с 1946 по 1951 год было переведено на эстонский язык и опубликовано четыре учебника, в том числе двухтомный учебник советского гражданского права для вузов.¹¹

Началась подготовка национальных кадров советских юристов, в которых был острый недостаток. Юридический факультет ТГУ с 1949 года начал выпуск со стационарного отделения. Развернулась и работа заочного отделения, на котором за период с 1948 по 1955 гг. получила высшее юридическое образование большая часть работников суда, прокуратуры и других юридических учреждений республики. Задача подготовки научно-педагогических кадров цивилистов разрешалась при активной помощи ученых юридического факультета Ленин-

---

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1944 г. № 17 (11) у. — «Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда 1924—1963», с. 6—7.

¹⁰ Ведомости Эстонской ССР, 1944, № 1, ст. 4.

¹¹ М. М. Agar'kov, S. N. Bratus, D. M. Genkin, V. I. Serebrovski, Z. I. Skundin. Tsiviilõigus. I ja II. Toimetanud M. M. Agar'kov ja D. M. Genkin. Tartu, 1947.

градского университета. К середине 50-х гг. были защищены первые четыре кандидатские диссертации. Начиная с 1955 года стали систематически публиковаться научные статьи и учебные пособия.

11 февраля 1957 г. 6-я сессия Верховного Совета СССР, руководствуясь историческими решениями XX съезда КПСС об укреплении социалистической законности и о дальнейшем расширении прав союзных республик, внесла существенное изменение в разграничение законодательной компетенции Союза ССР и союзных республик. В ведении Союза было оставлено установление Основ законодательства, принятие же кодексов передано в ведение союзных республик. Этот закон положил начало новому этапу в развитии всего советского гражданского законодательства. В период с 1957 по 1964 гг. происходило обновление и кодификация союзного и республиканского гражданского законодательства, направленного на разрешение задач коммунистического строительства в нашей стране.

Как известно, 8-го декабря 1961 г. были приняты Основы гражданского законодательства, а также Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Они стали юридической базой для разработки кодексов всех союзных республик. Работа над проектами кодексов началась еще до принятия Основ.

Проекты гражданского и гражданского процессуального кодексов Эстонской ССР разрабатывались уже с 1958 года и первоначальные проекты были составлены к 1959 году, в дальнейшем эти проекты улучшались и перерабатывались в соответствии с Основами. Верховный Совет Эстонской ССР утвердил Гражданский и Гражданский процессуальные кодексы Эстонской ССР 12 июня 1964 г. с введением их в действие с 1 января 1965 года.¹²

В литературе принято делить период обновления и кодификации гражданского законодательства на два этапа.¹³ Первый — с октября 1956 года до 8-го декабря 1961 г. (т. е. до принятия Основ), а второй — с этого момента до 26 декабря 1964 года, когда завершилось принятие гражданских и гражданских процессуальных кодексов всеми союзными республиками. Бесспорно, что только с утверждением Основ кодификация республиканского законодательства получила единую юридическую базу, но в то же время, приведенное выше деление на два этапа, в известной мере, условно, ибо фактически разра-

¹² Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР, 1964, № 25, ст. 115—116.

¹³ Развитие кодификации советского законодательства. М., 1968, с. 124.

ботка проекта Основ и проектов республиканских кодексов проходила параллельно.

Высказывались мнения, что если бы разработка кодексов была начата только после принятия Основ, то это значительно сократило бы затраты сил и времени на их создание. Такое мнение все же представляется ошибочным. Гражданское законодательство Союза ССР и союзных республик — это единая, цельная система, входящая в качестве подсистемы в систему советского законодательства, поэтому только одновременная разработка как ее Основ, так и ее подсистем обеспечила наиболее качественный результат. Разработка Основ всего гражданского законодательства многонационального федеративного социалистического государства, на наш взгляд, была бы невозможна без учета специфики его союзных республик, а эта специфика выявлялась и учитывалась лучше всего в процессе одновременной разработки проектов Основ и кодексов. В этом процессе складывались многочисленные предложения союзных республик, которые обсуждались в комиссиях, разрабатывающих проекты Основ, и нашли отражение в Основах.

Участие в разработке проекта Основ было обеспечено всем союзным республикам путем последовательного применения органами Союза ССР ленинских принципов законопроектной деятельности — демократизма и гласности. Ознакомление с материалами Комиссий законодательных предположений Верховного Совета СССР воочию убеждает в том, что таким путем суверенные законодательные права союзных республик находили реализацию не только в республиканском, но и союзном законодательстве.

Положительный вклад юридической общественности Эстонии в разработку проектов Основ отмечался в печати¹⁴ и на заседаниях Комиссий законодательных предположений Верховного Совета СССР. В принятых Основах нашли отражение предложения научных работников Эстонии по таким принципиальным вопросам, как разграничение законодательной компетенции Союза ССР и союзных республик (ст. 3 Основ), охрана прав граждан (ст. ст. 7 и 10 Основ), последствия признания сделок недействительными (часть 6 ст. 14 Основ), определение понятия и видов юридического лица (ст. 11 Основ), определение права оперативного управления, определение видов общей собственности, основные положения ряда инсти-

---

¹⁴ С. Т. Новиков. Участие научной общественности в работе Комиссий законодательных предположений Верховного Совета СССР по подготовке законопроектов. — «Советское государство и право», 1963, № 12, с. 60.

тутов обязательственного права (напр. ст. ст. 37—38, 63, 88 Основ и др.). Кроме того, были учтены многие предложения редакционного характера. Тесные контакты с членами рабочей комиссии, разрабатывающей проект Основ гражданского законодательства, профессорами Е. А. Флейшиц и С. Н. Братусем, особенно же с депутатами Верховного Совета СССР А. А. Мююрисепом и Ф. Д. Клементом во многом способствовали плодотворности участия ученых и практиков ЭССР в этой работе.

Предложения к Основам вносились также всеми другими союзными республиками и, таким образом, окончательный проект Основ можно рассматривать как результат совместного творческого труда органов Союза ССР и всех союзных республик.

Процесс разработки гражданского и процессуального кодексов Эстонской ССР происходил также на основе принципа демократизма и гласности с привлечением широкой общественности республики. Решением Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 23 апреля 1957 г. были образованы рабочие комиссии по подготовке проектов гражданского и процессуального кодексов Эстонской ССР. В состав комиссий входили депутаты Верховного Совета, представители республиканских ведомств и научных учреждений.¹⁵

Первоначальные проекты обоих кодексов были обсуждены на кафедре гражданского права и процесса ТГУ, а проект ГК, по просьбе Юридической Комиссии при СМ ЭССР, обсудила и кафедра гражданского права Ленинградского университета. В 1959 году рабочие комиссии рассмотрели проекты и приняли их за основу для дальнейшей работы. После принятия Основ проекты были приведены в соответствие с Основами и доработаны. В 1962 г. оба проекта были размножены и разосланы для ознакомления соответствующим республиканским ведомствам, исполкомам городских и районных Советов депутатов трудящихся, районным судам, прокуратурам, юридическим консультациям и научным учреждениям. Весной 1963 года была проведена республиканская научная конференция по обсуждению проектов. В ее работе приняли участие и представители ряда других союзных республик. На основе поступивших многочисленных предложений проекты затем дораба-

---

¹⁵ Председателем комиссии по проекту ГК был назначен председатель Верховного Суда Эстонской ССР тов. Р. Саарин, а после его ухода на пенсию — доцент ТГУ Э. Лаасик. Комиссию по проекту ГПК возглавляла доцент ТГУ Ж. Анаьева. Ими же были составлены первоначальные проекты означенных кодексов.

тывались Юридической комиссией при Совете Министров Эстонской ССР, совместно с рабочими комиссиями.

По просьбе Президиума Верховного Совета Эстонской ССР проекты кодексов были рассмотрены консультативными комиссиями, образованными Президиумом Верховного Совета СССР из представителей Союзных ведомств и известных ученых-цивилистов. Следует отметить, что сами консультативные комиссии были созданы по просьбе союзных республик.¹⁶ Консультативные комиссии изучали проекты кодексов, с точки зрения соответствия их Основам и достижениям современной юридической науки, а также основным требованиям законодательной техники. Затем происходило обсуждение каждого проекта на заседаниях комиссии с участием делегации соответствующей союзной республики.

Обсуждение каждого проекта было обстоятельным и носило характер научной дискуссии, поэтому делегация республики имела полную возможность обосновывать те или другие спорные положения своего проекта. В ходе такой содержательной работы из проектов устранялись отдельные нормы, противоречащие Основам и другим Союзным законам. Предложения консультативной комиссии по урегулированию отдельных вопросов республиканской компетенции носили рекомендательный характер и вопрос решался окончательно самой союзной республикой. Работа консультативных комиссий была одной из важных демократических форм оказания помощи республиканским кадрам в кодификационной работе со стороны видных ученых РСФСР и Союзных органов. После консультации продолжалась работа над улучшением проектов кодексов.

В начале 1964 года проекты ГК и ГПК ЭССР были одобрены Правительством ЭССР и переданы Комиссии законодательных предположений Верховного Совета Эстонской ССР, которая провела еще ряд заседаний по их обсуждению с участием рабочих комиссий. После этого проекты были представлены Сессии Верховного Совета ЭССР для утверждения.

Следует подчеркнуть, что Гражданский кодекс ЭССР (как и другие кодексы) не является лишь расширенным воспроиз-

---

¹⁶ На научной сессии ВИОН, посвященной Основам гражданского законодательства и Основам судопроизводства Союза ССР и союзных республик, проходившей в Москве 16—17 января 1962 года, такая просьба была высказана представителями Эстонской ССР и поддержана представителями других республик. Это предложение обосновывалось необходимостью обеспечения единого толкования положений Основ всеми союзными республиками, единства структуры ГК и ГПК, а также необходимостью организации обмена опытом кодификационной работы.

ведением норм Основ. В нем не только конкретизированы положения Основ, но и развиты новые институты, покоящиеся на общих принципах системы отрасли и системы Советского права.

Многолетняя практика применения Основ и Гражданского кодекса ЭССР показала, что новая единая система гражданского законодательства в целом является эффективным средством укрепления социалистической законности в имущественных отношениях, охраны прав социалистических организаций и граждан. Эта система была разработана за очень короткий срок (1957—1964) — за 7 лет. Для сравнения укажем, что в свое время Германское гражданское уложение (1900 г.), например, готовилось 23 года. Швейцарский гражданский кодекс — 14 лет. Специальной редакционной комиссии в России понадобилось 22 года для составления проекта Гражданского уложения (1882—1904 гг.),¹⁷ а буржуазная Эстония, как было сказано, не справилась с этой работой и за 20 лет.

Возникает вопрос, какие же основные трудности преодолелись в ходе кодификации Советского гражданского законодательства и какие условия способствовали ее успешному проведению?

Главная трудность, несомненно, заключалась в том, что Основы гражданского законодательства первого в мире многонационального союзного социалистического государства создавались впервые, готовых образцов для них не было. Проекты Основных начал 20-х гг. уже не могли быть использованы в новой исторической обстановке. Из проекта же Гражданского кодекса СССР, разработанного в 1936—1956 гг., можно было использовать ряд положений отдельных институтов, но этот проект не мог помочь в решении важнейшей проблемы Основ — проблемы разграничения законодательной компетенции между Союзом ССР и союзными республиками. Решение этой проблемы пришлось искать впервые и оно было найдено совместными усилиями союзных органов и органов всех союзных республик. Это решение четко зафиксировано в ст. 3 Основ, жизненность и правильность которой теперь уже подтверждена практикой.

Трудность при проведении кодификации заключалась и в том, что на местах, особенно же в молодых союзных республиках, было недостаточно цивилистов, владеющих законодательной техникой. (В период культа личности на обучение юристов этой технике, как и на привлечение ученых к законо-

---

¹⁷ См. А. С. Пиголкин. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968, с. 19.

проектной работе, не обращалось должного внимания). С помощью ученых Москвы и Ленинграда эстонские кадры прошли эту школу в процессе самой кодификации.

В то же время ряд факторов способствовал быстрому и качественному проведению кодификации.

В числе их решающим условием представляется то обстоятельство, что законодательные органы социалистического государства основывали свою законотворческую работу на теоретических положениях марксизма-ленинизма о соотношении права, как выражения воли всенародного государства, с социалистическим базисом и на положении о том, что законодательный процесс, призванный обеспечить отражение в законе объективных закономерностей процесса общественного развития, не может строиться произвольно, вне зависимости от этих объективных закономерностей, а должен быть построен на строго научных началах.

Сройная система гражданского законодательства смогла быть разработана благодаря тому, что к этому периоду в советской теории права, в результате длительной (1956—1962 гг.) научной дискуссии, сложилась единая концепция системы права. Система же права, как известно, является объективной основой для системы законодательства.

Важным фактором было и то обстоятельство, что благодаря последовательному осуществлению коммунистической партией ленинской национальной политики, во всех республиках за послевоенные годы выросли молодые советские национальные кадры учёных-юристов и практиков, которые с помощью опытных научных кадров РСФСР оказались способными разрешать теоретические и практические вопросы кодификации.

Огромное значение имела и качественная особенность советского законотворческого процесса, заключающаяся в том, что в нём всегда принимают участие учёные, т. е. особенность, вытекающая из требования научной обоснованности законов. Начало этому было положено личным участием В. И. Ленина в разработке первых кодексов Советского государства и привлечение им к этому делу ряда видных советских учёных того периода. Ленинский принцип привлечения учёных к непосредственной подготовке законопроектов с полной последовательностью проводился в течение всего периода кодификации союзного и республиканского гражданского законодательства. Привлечение ученых к участию в этой работе является не только правом, но и обязанностью Комиссий законодательных предположений Верховного Совета СССР, зафиксированной в Положениях об этих Комиссиях.

Формы участия широкой научной общественности и юрис-

тов-практиков в кодификации гражданского законодательства были многообразными. Они достаточно полно освещены в печати,¹⁸ поэтому ограничимся здесь указанием лишь на некоторые из них.

Несмотря на то, что в составе обеих палат Верховного Совета СССР шестого созыва было 152 депутата из числа ученых, деятелей культуры, литературы и искусства,¹⁹ при комиссиях законодательных предположений были созданы подкомиссии, с привлечением в их состав многих ученых. Эти подкомиссии, в свою очередь, привлекли к работе над Основами научную общественность союзных республик. Все варианты проекта Основ рассылались всем юридическим высшим учебным заведениям и научным учреждениям, предложения и замечания которых обсуждались и учитывались. Кафедра гражданского права и процесса ТГУ в числе других посылала свои предложения по всем вариантам проекта Основ.

Широко практиковалось проведение научных совещаний и конференций по проблемам кодификации. Первое межреспубликанское совещание было организовано по инициативе нашей республики при Тартуском университете в июле 1958 года. В нем участвовали научные и практические работники Эстонии, Латвии и Литвы. Материалы совещания опубликованы в специальном номере Ученых записок ТГУ,²⁰ конкретные предложения были переданы союзным комиссиям. После этого совещания и с учетом результатов его работы, были проведены многочисленные научные конференции и совещания, в том числе межреспубликанские — в Ташкенте, Тбилиси, Киеве, Риге, Свердловске, Москве и Ленинграде. Предложения совещаний находили свое отражение в республиканских кодексах и общесоюзных законах.²¹

Конференция в Тарту положила и начало более тесному содружеству научных и практических работников — юристов Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, которое успешно развивалось и в дальнейшем. Представители Эстонии высту-

---

¹⁸ И. К. Ковалев. Широкое участие общественности в обсуждении проектов Основ гражданского законодательства. — «Советское государство и право», 1962, № 2, с. 16—23; С. Г. Новиков. Участие научной общественности в работе Комиссий законодательных предположений Верховного Совета СССР по подготовке законопроектов. — «Советское государство и право», 1962, № 12 с. 56—66; Развитие кодификации советского законодательства, М., 1968 и др. работы.

¹⁹ Стенографический отчет первой Сессии Верховного Совета СССР шестого созыва. Изд-во Ведомостей Верховного Совета СССР, М., 1962, с. 43—57.

²⁰ Ученые записки ТГУ, вып. 84, Тарту, 1960.

²¹ С. Г. Новиков. Указ. работа, с. 60.

пали на такой же конференции в Риге в 1959 г., где шла острая дискуссия по вопросу о месте хозяйственного права в системе советского права. Можно отметить, что цивилисты 3-х республик — участники этой конференции, высказались за сохранение единства регулирования в Основах отношений как с участием граждан, так и отношений между социалистическими организациями.

На научных конференциях в Таллине (1963 г.) и в Вильнюсе (1963 г.) представители трех Прибалтийских республик обсуждали теоретические вопросы кодификации республиканского гражданского и гражданского процессуального законодательства. Во всех указанных научных конференциях участвовали ученые Москвы, Ленинграда и других городов. Научные работники Эстонии, в свою очередь, принимали участие в научных конференциях, проводимых в Москве (1962—1963 гг.), в Ленинграде (1958, 1961, 1969 гг.), в Ростове-на-Дону (1960 г.), Киеве (1961) и др. городах.

Взаимопомощь и сотрудничество сил научных и практических учреждений союзных республик оказали огромное влияние на процесс кодификации во всех республиках. Ведущую роль в этой работе сыграла РСФСР, которая разослала всем союзным республикам для ознакомления свои первоначальные проекты ГК и ГПК, а затем пригласила представителей этих республик в Москву (1962 г.) на совещание, посвященное обсуждению этих проектов. Это совещание, где в ходе дискуссии участники ее пришли к единому мнению по многим спорным вопросам (структура кодексов, воспроизведение в них Основ и др.), несомненно имело больше значение в процессе кодификации всего республиканского законодательства.

Теоретические и практические вопросы кодификации широко обсуждались и в периодической печати. В этом обсуждении приняли участие и цивилисты Эстонии, опубликовавшие ряд статей и выпустившие три специальных сборника.²²

В процессе обновления кодификации и применения нового союзного и республиканского гражданского законодательства перед советской наукой гражданского права встали новые важные теоретические проблемы. Разрешение их способствовало быстрому развитию гражданско-правовой мысли в ЭССР, как и во всех союзных республиках. Одной из важнейших особенностей этого развития является непрерывный процесс взаимовлияния и взаимообогащения научных сил республик. Этот процесс обусловлен характером социалистической дейст-

---

²² Ученые записки ТГУ, вып. 84, Тарту, 1960; вып. 105, Тарту, 1961; вып. 126, Тарту, 1962.

вительности, национальной политикой КПСС и едиными принципами законодательства. Однако этому в немалой мере способствует и творческая дружба, коллективные и личные контакты между учеными и практиками, работающими в разных республиках. Эти связи оказали плодотворное влияние и на развитие цивилистической мысли в Советской Эстонии. За последние 15 лет цивилистами республики опубликованы многочисленные научные статьи, изданы монографические исследования, сборники нормативных материалов, комментированный гражданский кодекс, а также комментированный кодекс о браке и семье ЭССР, учебник гражданского права и другие учебные пособия, базирующиеся на новом законодательстве. Значительное развитие получила пропаганда правовых знаний. Это первые творческие шаги, имеющие все предпосылки для дальнейшего развития.

Процесс развития цивилистической мысли в Советской Эстонии характеризует постоянная тесная связь науки и практики. В период проведения кодификации и в последующий период эта связь получила новое качество. Если ранее эта связь выражалась, главным образом, в том, что научные работники анализировали материалы практики в своих научных работах, с которыми практики знакомились и или одобряли, или же не одобряли результаты, то в последние годы практические работники суда, арбитража, прокуратуры, юридической службы и др. сами активно включаются в процесс развития цивилистической мысли. Многие из них выступают с научными докладами, публикуют научные и научно-популярные работы. Республиканские научные конференции, посвященные проблемам применения гражданского и гражданского процессуального законодательства (1967, 1970, 1973), были проведены при большом участии докладчиков-практиков. Ряд практических работников стали кандидатами юридических наук, многие работают над диссертациями.

Успешное развитие народного хозяйства и культуры ЭССР неизбежно требует и дальнейшего развития ее гражданского законодательства. Многие положения кодекса еще не получили должного развития в подзаконных нормативных актах. Подзаконное нормотворчество не может вестись без системного подхода и должного планирования. Перед юристами стоит задача обеспечить планирование, координирование и контроль нормотворческой деятельности министерств и ведомств республики. Представляется, что план издания нормативных актов, а также проекты актов должны составляться самими министерствами и ведомствами, а постоянный контроль и координирование этой работы должны вестись Министерством юстиции. Следовало бы решить и вопрос о порядке публика-

ции таких нормативных актов министерств и ведомств, которые касаются прав широкого круга граждан и социалистических организаций.

Развитие социалистической экономики требует дальнейшего совершенствования всей системы гражданского законодательства в целом и развития гражданскоправовой науки. В современных условиях исключительно актуальными стали проблемы систематизации хозяйственного законодательства и научное исследование хозяйственно-правовых проблем. Эти проблемы как и многие другие, требуют комплексного подхода, одиночные исследования здесь малоэффективны. Известное положение К. Маркса²³ о более высокой эффективности коллективного труда следует полностью отнести к современным научным исследованиям в области права. Представляется, что для обеспечения дальнейшего успешного развития гражданскоправовой теории необходимо объединение и координация усилий цивилистов ряда республик между собой, а также с представителями других отраслей правовой науки, экономической науки и науки управления. Только такие совместные исследования актуальных проблем республиканского и общесоюзного значения могут обеспечить их разрешение.

---

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, с. 337.

О МЕСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Ж. К. Ананьева

В новых условиях социально-политической жизни развитого социалистического общества государственная власть используется в первую очередь для дальнейшего усиления и расширения государственно-правового регулирования общественных отношений.¹ Всеобщее признание получило положение о возрастании роли правового метода в управлении народным хозяйством, зафиксированное в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве».²

Возрастание роли правового метода (как и любого иного метода) в управлении требует постоянного совершенствования как его содержания, так и организационных форм его реализации. К числу последних относится и юридическая служба в народном хозяйстве. В условиях научно-технической революции совершенствование методов управления и организационных форм их реализации мыслимо лишь на строго научной основе. Это в полной мере относится и к юридической службе. Проблемы юридической службы довольно оживленно обсуждались в литературе,³ особенно до издания «Общего положения о юридическом отделе (бюро) главном (старшем) юрисконсульте Министерства, ведомства, Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения».⁴ Ряд работ издан и после этого, но те и другие посвящены, главным образом, формам и методам работы юридической службы в промышленности.⁵

¹ Развитое социалистическое общество, государство и демократия. — «Советское государство и право», 1973, № 2, с. 4.

² СП СССР 1971 г., № 1, ст. 1.

³ См., например, Обзор материалов и писем читателей о юридической службе. — «Советское государство и право», 1968, № 9, с. 107—112.

⁴ СП СССР 1972, № 13, ст. 70. В дальнейшем — «Общее положение о юридической службе».

⁵ См., например, Правовая работа на промышленном предприятии. Изд. 2-ое, дополненное и переработанное. М., 1972.

В юридической литературе правильно отмечалось,⁶ что роль юридической службы в управлении народным хозяйством во многом предопределяется тем, насколько осознанными являются место и задачи этой службы в управлении предприятиями, объединениями и отраслью народного хозяйства в целом. Между тем, с методологических позиций проблемы юридической службы исследованы еще недостаточно. Кроме Т. Л. Знаменского,⁷ лишь отдельные авторы-юристы⁸ занимались исследованиями с данного аспекта. В специальной литературе по теории управления юридической службе не уделено внимания.

Исходя из общей задачи совершенствования всего механизма управления народным хозяйством, поставленной в докладе Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС, разработка теоретических основ функционирования юридической службы представляется актуальной задачей как для теории управления, так и юридических наук. Автор данной статьи не претендует на весомый вклад в разрешение указанной задачи, а пытается развить дальше некоторые положения, выдвинутые в литературе, в направлении, одобренном при обсуждении их работниками юридических служб Эстонской ССР.⁹

I.

1. Представляется, что исследование проблем юридической службы имеет несколько аспектов. Это обусловлено тем, что, во-первых, юридическая служба хозяйственной организации (как и учреждения) — это одно из звеньев структуры данной системы управления. Отсюда следует, что задача совершенствования системы в целом включает в себя и совершенствование такого звена как юридическая служба. В то же время, совершенствование юридической службы не может быть успешным вне ее связей с другими звеньями системы. И то, и

---

⁶ См. Т. Л. Знаменский. Совершенствование юридической службы как организатора правоприменительной деятельности. — В кн.: Хозяйственно-правовые вопросы управления промышленностью. Донецк, 1969, с. 278.

⁷ См. Т. Л. Знаменский. Цит. статья.

⁸ См. В. Н. Мамутов, В. В. Овсиенко, В. Я. Юдин. Предприятие и материальная ответственность. Киев, 1971. с. 176—183; Л. М. Шор. В кн.: Хозяйственное право. Изд. второе, перераб. и дополненное. Под ред. профессора, доктора юридич. наук В. В. Лаптева. М., 1970, с. 417—427.

⁹ Доклад по этим вопросам обсуждался на научно-практической конференции, организованной Министерством юстиции ЭССР в г. Таллине 21—22 марта 1973 г.

другое — предмет исследования науки управления. Во-вторых, юридическая служба, как отмечено выше, является одной из организационных форм реализации правового метода управления народным хозяйством и должна исследоваться в этом качестве, как и сам метод по содержанию, — юридической наукой. Таким образом, проблема научных основ юридической службы подлежит комплексному исследованию. Если же принять во внимание, что экономические методы управления чаще всего реализуются в правовой форме, то станет очевидным, что юридическое обслуживание народного хозяйства связано и с механизмом реализации экономических методов в управлении, а следовательно, должно быть исследовано и с этой точки зрения. Остается лишь добавить, что такое комплексное исследование будет успешным лишь при проведении его на основе единой программы.

2. При системном подходе к исследуемому объекту представляется целесообразной известная последовательность этапов исследования.

Думается, что прежде всего должна быть уяснена общая (генеральная) задача, поставленная на длительный период перед всей системой управления народным хозяйством в целом, ибо только исходя из общей задачи системы как целого могут быть конкретизированы специфические задачи юридической службы в качестве одного из звеньев системы.

Второй задачей исследования, на наш взгляд, должно стать уяснение значения правового метода в управлении и специфики его реализации.

В-третьих, следует установить, в чем заключается роль юридической службы в реализации правового метода, а это означает определить место юридической службы среди других звеньев структуры системы, а также ее функциональные связи с ними.

Наконец, конкретизировав (исходя из общей) специфические задачи юридической службы, установив ее место в структуре системы и характер связей с другими звеньями, следует определить специфику форм и методов, при помощи которых юридическая служба осуществляет свои специфические задачи, служа выполнению общей задачи системы управления.

II.

Ниже попытаемся представить, какой круг вопросов будет затрагиваться на отдельных этапах исследования. Все это, разумеется, весьма приближенно.

1. Генеральная задача для всей системы управления народ-

ным хозяйством советского государства определена решениями XXIV съезда КПСС — это повышение эффективности общественного производства для окончательного построения материально-технической базы коммунизма и обеспечения значительного подъема материального и культурного уровня народа.

Наличием основной задачи предопределена целенаправленность функционирования всей системы управления в целом. Целенаправленность действия, отмечает Ю. М. Козлов,¹⁰ — это один из наиболее существенных признаков системы вообще. «Все части служат целому, однако каждая часть системы служит по-своему, по-особенному. Она отвечает преимущественно не за все, а за определенные черты и свойства целого».¹¹ Следовательно, из общей задачи системы как целого, должны быть конкретизированы специфические задачи и функции юридической службы. Этого нельзя сделать непосредственно. При конкретизации этих задач должно быть учтено, что юридическая служба, будучи структурным звеном системы управления, в то же время является одной из организационных форм реализации правового метода управления.

2. В чем же состоит роль правового метода в осуществлении генеральной задачи системы управления, в чем особенности и каковы организационные формы его реализации? Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, по-видимому, надо исходить из положения о том, что в качестве субъекта управления социалистическим обществом выступает политическая организация общества как система государственных и общественных организаций и институтов, посредством которой осуществляется политическая власть.¹² Коммунистическая партия в качестве руководящей силы советского общества, опираясь на учение Маркса-Ленина, познает закономерности действия объективных законов развития общества и целенаправленно, сознательно использует познанное действие этих законов для достижения поставленной цели. На основе познания потребностей экономического развития партия разрабатывает экономическую политику, являющуюся концентрированным выражением экономических интересов развивающегося социалистического общества.

Социалистическое государство как система представительных органов трудящихся, выражающая их интересы и волю,

---

¹⁰ См. Ю. М. Козлов. Управление народным хозяйством СССР. П., Изд. ЛГУ, 1971, с. 7.

¹¹ В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., 1968, с. 16—17,

¹² См. Политическая организация советского общества. М., 1967.

не может иметь экономической политики, отличающейся от политики Коммунистической партии, передового ведущего отряда рабочего класса и всех трудящихся. Экономическая политика оформляется в виде государственной воли и проводится в жизнь посредством системы органов, совокупности средств и методов, входящих в субъективную сторону механизма социального развития.¹³

Деятельность государства по управлению народным хозяйством как в масштабе страны, так и отрасли или отдельного предприятия неизменно сохраняет политический характер.

«Жизнь классового общества не может протекать во вне единой государственно-правовой формы».¹⁴ Государство и право не существуют и не функционируют отдельно друг от друга. Посредством социалистического государства, занимающего центральное место в политической организации общества, возводится в закон воля возглавляемого рабочим классом советского народа и обеспечивается реализация законов.¹⁵

Государственно-правовая надстройка оказывает согласованное обратное воздействие на экономические отношения. В обобщенной, концентрированной форме советские законы выражают волю народа, основные направления политики партии и государства.¹⁶

Поскольку государство и право едины, правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность составляют в совокупности основной метод деятельности государства. Правовой метод¹⁷ управляющего воздействия на со-

---

¹³ О значении субъективного фактора в управлении обществом см. Г. Гвишиани. Проблемы управления социалистической промышленностью. — «Вопросы философии», 1966, № 11, с. 3—13; М. Д. Сергеев. Соотношение условий и субъективного фактора в управлении социалистическим обществом. — В кн.: Научное управление обществом. Вып. 2, М., 1968, с. 139—182; его же: Особенности диалектики объективных условий и субъективного фактора в управлении социалистическим обществом. — В кн.: Научное управление обществом. Вып. 4, М., 1970, с. 48—91.

¹⁴ П. Е. Недбайло. Марксистско-ленинская юридическая наука в системе общественных наук. — «Советское государство и право», 1973, № 5, с. 15.

¹⁵ М. Д. Сергеев. Особенности диалектики объективных условий и субъективного фактора в управлении социалистическим обществом. — В кн.: Научное управление обществом. Вып. 4, М., 1970, с. 71.

¹⁶ См. речь Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 13 июня 1970 г. — «Правда», 13 июня 1970 г.

¹⁷ Автор подразумевает под методом управления в статике комплекс средств и форм управляющего воздействия. С аспекта же динамики метод рассматривается как способ, направление, характер воздействия.

циальные процессы — это необходимый структурный элемент субъективной стороны механизма социального регулирования. Значение и роль правового метода в механизме управления определяется, исходя из общеизвестных положений К. Маркса и Ф. Энгельса о соотношении права и экономики.¹⁸ В. И. Ленин, развивая дальше эти положения, особо подчеркнул мысль о том, что категории права имеют значение не только в качестве формы, опосредствующей экономические отношения, составляющие их содержание, но, что право в то же время, и регулятор (определитель) распределения продуктов и распределения труда между членами общества, что право оказывает регулирующее воздействие на экономические отношения, будучи средством законодательного закрепления экономической политики для устранения всякой возможности уклонения от нее.¹⁹

В управлении социалистическим народным хозяйством правоотношения опосредствуют экономические отношения, выражающие заданное состояние конкретной системы. Нет возможности и надобности описывать все формы реализации правового метода в управлении народным хозяйством. Достаточно отметить, что исходная функция управления — постановка целей и выдвижение задач — находит свое выражение в управленческом решении, которое, как правило, закрепляется в надлежащем правовом акте. Нормативные акты, являющиеся по существу управленческими решениями, закрепляя поставленные перед всей системой народного хозяйства и его отраслей цели и задачи, способствуют их осуществлению.

В правовой форме осуществляется также и экономическое стимулирование.

В правовой форме закрепляются организационные структуры управления, их функционирование и взаимодействие.

В правовых средствах таятся огромные возможности для стимулирования интенсивного развития общественного производства, которые должны быть максимально использованы. Повышение эффективности общественного производства в широком смысле означает экономию живого и овеществленного труда на единицу продукции. Планомерный характер основанного на социалистической собственности народного хозяйства создает объективные возможности оптимального использования материальных, трудовых и природных ресурсов для постоянного роста производительности труда в целях повышения благосостояния народа. В деле превращения этих возмож-

---

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 94; Соч., т. 19, с. 16—19.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 244.

ностей в действительность имеется широкий простор для действия права.

Базой роста производительности труда, как известно, является научно-технический прогресс. Следовательно, в законодательстве должны закрепляться и реализовываться в жизнь такие системы имущественных и неимущественных поощрительных стимулов развития научно-технической мысли и претворения ее достижений в общественное производство, которые, будучи распространены на всю сферу общественного производства, постоянно повышали бы интерес отрасли, коллектива и каждого работника к разработке и использованию научно-технических достижений, к повышению качества надежности и долговечности продукции, к достижению оптимальной отдачи фондов и т. п.

Проблема повышения эффективности общественного производства включает и борьбу за снижение непроизводительных затрат труда. В этой сфере, как отметил в докладе еще на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1965 г. А. Н. Косыгин, большое значение приобретает борьба со всякого рода безхозяйственностью, расточительством, непроизводительными затратами. Здесь немаловажна роль правового метода, особенно правоохранительной деятельности и применения ответственности. Однако было бы неправильно представлять, что в снижении непроизводительных расходов роль играют только правоохранительные меры. Не меньше профилактическое значение стимулирующих мер. При этом следует подчеркнуть, что очень важно согласованное взаимодействие системы мер ответственности и системы стимулирующих средств. В противном случае одна из них может подавить действие другой. Действие же той и другой вышеуказанной системы мер может быть парализовано администрированием, что иногда имеет место при неправильной организации управления в той или иной сфере хозяйства.

Перечислить все сферы правового регулирования невозможно. Можно лишь сказать, что подчинение деятельности всех организаций и всех граждан целенаправленной воле государственной власти, представляющей интересы всех трудящихся, достигается путем правового регулирования их отношений и неуклонного исполнения ими норм права.

Применение правового метода в управлении народным хозяйством происходит на основе принципа социалистической законности, являющегося общим принципом государственного управления в советском обществе. Установленный совокупностью норм права правовой режим функционирования всех звеньев системы народного хозяйства подлежит неуклонному

соблюдению. Уже в самом начале существования Советского государства В. И. Ленин подчеркивал необходимость строгого соблюдения законов в народном хозяйстве.²⁰ Требование строгого соблюдения законности зафиксировано в Программе КПСС. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду особо подчеркнуто, что «уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обход его, чем бы они не мотивировались, терпимы быть не могут».²¹

В современной литературе обоснованно подчеркивается, что соблюдение законности необходимо не только в правоисполнительной, но и в нормотворческой деятельности.²² Это чрезвычайно актуально, ибо в условиях концентрации промышленности и расширения прав объединений и комбинатов неизбежно возрастает значение внутрисистемных, ведомственных нормативных актов. Несомненно требуется установить определенный порядок издания подзаконных нормативных актов, обеспечивающий строгое соблюдение законности.

Любое нарушение законности в области народного хозяйства всегда чревато серьезными последствиями, ибо в юридических нормах закреплены требования взаимодействия экономических законов. Так например, система хозрасчетных правоотношений отражает взаимодействие закона стоимости и закона планомерного развития социалистической экономики и обеспечивает подчинение интересов, базирующихся на обособленном имуществе предприятий и организаций (товаропроизводителей), общим интересам народного хозяйства в целом. Следствием нарушения этих правоотношений является отклонение от заданного взаимодействия. Поэтому недопустим односторонний подход к вопросам дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений субординации между звеньями иерархической системы управления. Охрана интересов предприятий не должна идти в ущерб ослаблению действия норм, закрепляющих приоритет общих интересов, но в то же время должна гарантироваться охрана таких интересов хозрасчетных организаций, которые сочетаются с общими интересами. Правовое регулирование должно исходить из того, что хозрасчетные отношения — это планомерные эконо-

---

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 368.

²¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 84.

²² См. Р. О. Халфина. Социалистическая собственность и хозрасчет. (Ленинские идеи и современность). — «Советское государство и право», 1973, № 4, с. 50.

гические отношения,²³ где централизованное планирование сочетается с самостоятельностью предприятий.

Материальное стимулирование имеет в виду обособленные интересы предприятия, однако правильно разработанная система материального стимулирования учитывает лишь те обособленные интересы, которые отражают общиe. Правовой охране подлежат обособленные интересы, согласующиеся с общими.

Закононость предполагает создание такой обстановки, при которой нарушение законов и основанных на них подзаконных актов либо вообще не может быть совершено, либо неотвратимо влечет ответственность нарушителя.²⁴

Основанный на принципе социалистической законности правовой метод управления имеет присущие ему формы реализации. Особенность его реализации заключается в том, что он целенаправленно применяется всеми звеньями структуры системы государственного управления, поэтому и требование об осуществлении принципа социалистической законности в их деятельности зафиксировано в законе. В последнем можно убедиться, ознакомившись с нормами Конституции СССР, «Общего положения о Министерствах СССР»,²⁵ а также «Положения о социалистическом государственном производственном предприятии»²⁶ и «Общего положения о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях».²⁷

Таким образом, правовой метод реализуется в деятельности всех подсистем и звеньев системы государственного управления и все они должны обеспечивать неуклонную реализацию принципа социалистической законности в народном хозяйстве. В то же время в системе государственного управления народным хозяйством созданы также специализированные структурные звенья в виде юридической службы, ведомственных и государственного арбитражей, которые относятся к организационным формам реализации правового метода.

3. Возникает вопрос, если правовой метод, как указано выше, реализуется в той или иной мере всеми звеньями системы и обеспечение социалистической законности является их обязанностью, то в чем же состоят функции специализированного звена в виде юридической службы? Ответ, по-видимому,

---

²³ См. Я. Кронрод. Экономическая реформа и некоторые проблемы политической экономики социализма. — «Вопросы экономики», 1966, № 10, с. 18.

²⁴ Н. Г. Александров. Закононость и правоотношения в советском обществе. М., 1955, с. 68.

²⁵ СП СССР 1967, № 17, ст. 166.

²⁶ СП СССР 1965, № 19—20, ст. 155.

²⁷ СП СССР 1967, № 17, ст. 166.

следует искать в том, что применение правового метода для осуществления экономической политики будет эффективным только в том случае, если он будет применяться со знанием дела. Управление является деятельностью синтезирующей и организующей, но в то же время и деятельностью специализированной, которая должна опираться на глубокое знание соответствующей области.

Применение правового метода со знанием дела предполагает: 1) применение к конкретным отношениям соответствующих правовых норм, 2) применение этих норм в соответствии с их целями, 3) применение норм права в порядке, установленном законодателем.

Для выполнения означенных требований применяющий правовой метод должен знать законодательство, уметь правильно истолковать содержание норм права и применять их в соответствии с содержанием, а также в порядке, предусмотренном для их применения.

На министерства и другие центральные ведомства, кроме обеспечения правильного применения законодательства в своей системе, возложена обязанность обобщать практику применения законодательства в порученной отрасли, разрабатывать и вносить в Правительство предложения по его усовершенствованию.

Все вышеизложенное требует специальных знаний и умений, которыми обладают лишь юристы, получившие специальную подготовку. Для обеспечения эффективной реализации правового метода система и подсистемы управления народным хозяйством объективно нуждаются в специализированном структурном звене — юридической службе. Они нуждаются в нем также, как, например, предприятие нуждается в технологической, технической и др. функциональных службах.

В чем же заключается основная функция юридической службы в системе управления? Лишь на первый взгляд кажется, что юридическая служба — это консультант по правовым вопросам для других звеньев системы. В условиях укрепления самостоятельности хозяйственных организаций и усложнения экономических связей в народном хозяйстве этого совершенно недостаточно. В современной обстановке неизмеримо возросла объективная потребность и реальная возможность эффективного воздействия на экономику посредством комплекса правовых средств. Для превращения этой возможности в действительность юридическая служба должна стать таким звеном системы управления, которое планирует, организует, координирует и контролирует применение правового метода системой в целом и его каждым звеном в отдельности на основе принципа социалистической законности и в целях

выполнения главной задачи — повышения интенсивности общественного производства. В этом заключается функция юридической службы в системе управления. Ею определяются и функциональные связи юридической службы с другими структурными звеньями системы.

С аспекта управления юридическая служба, как уже сказано выше, является одним из звеньев структуры системы управления. Как и всякое иное звено, оно связано с другими формальными или т. н. линейными связями. Однако среди них оно занимает особое место. Согласно общему положению о юридической службе, юридический отдел (юрисконсульт) Министерства или ведомства подчинен непосредственно Министру или руководителю ведомства (по решению последних он может быть подчинен одному из заместителей). Юрисконсульт (юридическое бюро, отдел) предприятия, организации или учреждения подчинен только руководителю этого предприятия, организации или учреждения. Следовательно, юридическая служба не входит в состав каких-либо других структурных подразделений системы и в отношениях субординации она состоит только с руководителем. Со всеми структурными звеньями системы управления юридическая служба находится в функциональных, информационных и в координационных отношениях, а также в отношениях обратной связи. Такое место в системе управления обеспечивает юридической службе самостоятельное, независимое положение, что очень важно для проведения в жизнь принципа социалистической законности в правовой деятельности всех звеньев системы.

4. Формы и методы управляющего воздействия юридической службы в системе управления определяются в соответствии с характером ее связей с другими звеньями системы. Поскольку здесь нет отношений субординации, то из арсенала юридической службы исключены властного характера методы управления. Они применимы только в случае, когда действие проводится не от имени юридической службы, а руководителя системы.

Для того, чтобы юридическая служба могла осуществлять управляющее воздействие в сфере правовой деятельности системы, она наделена соответствующими правами и обязанностями, зафиксированными в общем Положении о ней.²⁸ Так, согласно п. 10 юридическая служба вправе проверять соблюдение законности всеми звеньями соответствующей системы и получать от всех должностных лиц в установленном порядке документы, справки, расчеты и другие сведения, необходимые

---

²⁸ См. СП СССР 1972 г., № 13, ст. 70.

для выполнения своих обязанностей, привлекать с согласия руководителя, работников системы для подготовки проектов нормативных актов и других документов, а также для разработки и осуществления мероприятий, проводимых юридической службой в соответствии с возложенными на него обязанностями; руководитель юридической службы (юрисконсульт) имеет право и обязан визировать все проекты нормативных и других правовых актов, представляемых на подпись руководителю, а в случае несоответствия акта действующему законодательству, отказаться от визирования, дав соответствующее заключение с предложениями о законном порядке разрешения рассматриваемых вопросов. Если акт будет подписан вопреки заключению юридической службы, об этом сообщается вышестоящей организации. При этом следует подчеркнуть, что управляющее воздействие юридической службы на управляемые объекты обеспечено не только правами, зафиксированными в положении о ней, а главным образом тем обстоятельством, что предложения и указания юридической службы другим подразделениям системы обоснованы не ее усмотрением, а авторитетом советского закона и общеобязательностью принципа социалистической законности. Умелое использование сложившихся в практике и зафиксированных в общем положении методов и форм работы, реализация представленных ей прав позволяет юридической службе успешно выполнять свою роль управляющего субъекта при реализации правового метода управления в народном хозяйстве. Это заключение не означает, что автор не считает нужным дальнейшее совершенствование правового положения, а также форм и методов деятельности юридической службы. Постоянное совершенствование необходимо проводить на основе комплексного изучения и анализа практики работы юридических служб в различных сферах народного хозяйства.

О ПРАВООТНОШЕНИИ СОБСТВЕННОСТИ И О СУБЪЕКТИВНОМ ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ

П. П. Касьяк

Правоотношение собственности есть один вид правоотношения. Из этого обстоятельства вытекает, что между правоотношением собственности и правоотношением вообще существует соотношение отдельного и общего. Признаки, которые характеризуют правоотношение как общее явление, присущи и правоотношению собственности как отдельному явлению. Правоотношение собственности характеризуется, кроме того, еще рядом специфических признаков, которые отличают его от других видов правоотношения.

Указанное соотношение между рассматриваемыми явлениями требует при исследовании правоотношения собственности последовательного соблюдения принципов, действующих при правоотношении в целом. Но для исчерпывающей разработки вопросов правоотношения собственности нехватает лишь соблюдать и учитывать это соотношение. Подробная разработка требует исследования правоотношения собственности во всех его соотношениях с другими общественными явлениями, которыми оно связывается и которые в совокупности можно рассматривать как одну подсистему руководства обществом. Этой подсистемой является механизм правового регулирования отношений собственности. Без учета этого механизма и его закономерностей невозможно понять сущность правоотношения собственности как составного элемента этого механизма. То же самое можно сказать и о праве собственности как элементе правоотношения собственности.

В настоящей статье не ставится цель дать исчерпывающую системную трактовку правоотношения собственности и субъективного права собственности во всех их соотношениях и зависимостях с другими общественными явлениями. Этого не позволяет объем данной работы. Поэтому ограничимся лишь трактовкой некоторых аспектов правоотношения собственности и права собственности, причем главное внимание обращается на понятие правоотношения собственности и субъективного права собственности, а также соотношению этих

явлений, с одной стороны, с отношениями собственности и, с другой, — с нормами права собственности.

Начнем с определения понятия правоотношения собственности. Если в этой части ознакомиться с учебной литературой по гражданскому праву, то обнаруживается поразительный факт: в учебных пособиях не дается определения понятия правоотношения собственности в связи с рассмотрением права собственности. Более того, многие авторы,¹ в главах учебников, посвященных праву собственности, вообще не останавливаются на правоотношении собственности. Другие же² делают это так отрывочно, что читатель не может получить представления ни о правоотношении собственности, ни о его связях с отношением собственности и с нормой права собственности.

Отсутствие системного рассмотрения, с аспекта правового регулирования отношений собственности, следует отметить и в монографиях, посвященных вопросам права собственности.³ Обычно главное внимание в них направлено на выяснение сущности отношений собственности, затем сразу следует переход к анализу субъективного права собственности. Рассмотрение правоотношения собственности в них либо вообще отсутствует, либо отошло на задний план.

Естественно, что в таких случаях страдает и трактовка самого субъективного права собственности, которому и посвящены эти монографии.

Чтобы определить понятие правоотношения собственности, следует взять за основу одну определенную точку зрения о понятии правоотношения в целом. Исходя здесь из весьма распространенной в специальной литературе, так называемой традиционной точки зрения, по которой правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права, субъекты которого связаны взаимными правами и обязанностями,⁴ следует определить и правоотношение собственности как урегулированное нормами права собственности отношение собственности, субъекты которого связаны взаимными субъек-

---

¹ М. М. Агарков, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин, В. И. Се-ребровский, З. И. Шкундин. Гражданское право. Том I. М., 1944; С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958; Советское гражданское право. Том I. М., 1965.

² О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, ст. 355 и др.; Советское гражданское право. Том I. М., 1968, с. 297 и др.; Гражданское право. Том I. М., 1969, с. 257 и др.

³ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948; А. В. Карасс. Право государственной социалистической собственности. М., 1954; Л. М. Еремеев. Право личной собственности в СССР. М., 1958.

⁴ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., 1961, с. 178 и др.; Теория государства и права. М., 1968, с. 526 и др.

тивными правами и обязанностями. Или выражаясь короче, правоотношение собственности — это урегулированное нормами права отношение собственности.

Какие выводы можно сделать на основе этого определения? Во-первых, что правоотношение собственности — это результат правового регулирования и, во-вторых, что отношение собственности превращается вследствие правового регулирования в правоотношение собственности.

С первым выводом, что правоотношение собственности является результатом правового регулирования отношения собственности, можно согласиться, хотя и с одной оговоркой, на которой остановимся несколько позже. Зато существенные возражения вызывает второй вывод, из которого следует, что отношение собственности вследствие правового регулирования как будто бы превращается в правоотношение собственности. Эти возражения направлены вообще против точки зрения о превращении общественного отношения вследствие правового регулирования в правоотношение.

Как известно, отношение собственности в виде материального общественного отношения относится к базису общества. Зато правоотношение собственности представляет собой идеологическое общественное отношение и является элементом надстройки общества. Если считать возможным превращение отношения собственности в правоотношение собственности вследствие правового регулирования, то это значит признать превращение материальных общественных отношений в идеологические общественные отношения. Встав на такую позицию, следовало бы признать, что в обществе с правовой надстройкой отношения собственности, как правило, отсутствуют, поскольку они превращаются сразу же после возникновения, вследствие правового регулирования, в правоотношения собственности. Отсюда логически следует, что нормы права собственности регулируют в основном правоотношения собственности, а не отношения собственности. В конечном результате такое понимание создает неверное представление, будто вследствие правового регулирования общественных отношений, в том числе и отношений собственности, в большей части ликвидировался бы материальный базис общества.

То, что общественные отношения в ходе правового регулирования получают новое качество, что они превращаются в правоотношения, совершенно обоснованно критикуют в специальной литературе Ю. К. Толстой, В. П. Мозолин и А. К. Стальгевич. Первый из них делает это более подробно и последовательно. По мнению этих авторов, общественные отношения не получают вследствие правового регулирования нового качества, не превращаются в правоотношения. Правоот-

ношение они рассматривают как особое идеологическое общественное отношение, которое возникает в ходе правового регулирования общественных отношений в силу воздействия правовой нормы и юридического факта, причем дальше существуют и регулируемые общественные отношения. Через правоотношение и совершается правовое регулирование общественных отношений.⁵

Одним из представителей традиционной трактовки правоотношения является О. С. Иоффе. Полемизируя в этом вопросе с В. П. Мозолиным, он признает, что представление об исчезновении материальных общественных отношений и о замене их идеологическими общественными отношениями в ходе правового регулирования, является неверным. Возникновение такого представления О. С. Иоффе относит за счет неудачного выражения, что общественные отношения «превращаются или преобразуются в правоотношения». По его мнению, материальные общественные отношения вследствие правового регулирования полностью сохраняются, общественные отношения только облекаются в форму правоотношения. Развивая свою точку зрения, О. С. Иоффе пишет, что о правоотношении можно говорить в двояком смысле: во-первых, имея в виду единство его экономического содержания и юридической формы и, во-вторых, имея в виду только его юридическую форму. В первом случае правоотношение охватывает как область базиса, так и область надстройки, а во втором случае перед нами идеологическое отношение, целиком включающееся в область юридической надстройки.⁶

Эту же точку зрения выражает О. С. Иоффе и вместе с М. Д. Шаргородским в монографии, посвященной вопросам теории права, подчеркивая здесь единство материального содержания и идеологической формы правоотношения.⁷

Хотя О. С. Иоффе и отрицает возникновение правоотношения как особого идеологического общественного отношения в ходе правового регулирования и конструирует понятие правоотношения единством базисного содержания и надстроечной формы, он по существу делает такой же вывод. Иначе нельзя

⁵ Ю. К. Толстой. Проблема обеспечения субъективных гражданских прав. — «Вестник ЛГУ», 1952, № 3, с. 118—125; его же, К теории правоотношения. Л., 1959, с. 18 и др.; его же, Еще раз о правоотношении. — «Правоведение», 1969, № 1, с. 32—36; В. П. Мозолин. О гражданско-процессуальном правоотношении. — «Советское государство и право», 1955, № 6, с. 52; А. К. Стальевич. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. — «Советское государство и право», 1957, № 2, с. 23—27.

⁶ О. С. Иоффе. Спорные вопросы учения о правоотношении. См. Очерки по гражданскому праву. М., 1957, с. 25.

⁷ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Указ. работа, с. 182—183.

понимать его слова о том, что «о правоотношении можно говорить... имея в виду только его юридическую форму, и тогда перед нами идеологическое отношение, целиком включающееся в область юридической надстройки».⁸ Поскольку эта включающаяся в надстройку правовая форма, которую О. С. Иоффе рассматривает как правоотношение, возникает только вследствие правового регулирования, следует констатировать совпадение рассматриваемых точек зрения в самом главном пункте в теории правоотношения — в том, что правоотношение является особым идеологическим отношением, которое возникает в ходе правового регулирования общественных отношений (или иначе говоря — вследствие правового регулирования общественных отношений).⁹

Что касается второго аспекта трактовки О. С. Иоффе, что правоотношение является единством материального содержания и идеологической формы, которое имеет одновременно как базисный, так и надстроечный характер, то это в принципе неверно. Из этого положения вытекает возможность существования помимо материальных и идеологических общественных отношений, из которых первые относятся к базису, а другие к надстройке, еще третьих — материально-идеологических отношений, которые частично относятся к базису и частично — к надстройке. Однако такое деление общественных отношений в советской общественной науке пока неизвестно, да так не делит их и сам О. С. Иоффе.

Сравнивая эти противоположные положения о сущности правоотношения, следует считать правильным при определении правоотношения собственности исходить из развитой Ю. К. Толстым точки зрения и рассматривать правоотношение собственности не как урегулированное нормами права отношение собственности, а как особое идеологическое отношение, возникшее в ходе правового регулирования отношений собственности.

Встав на такую позицию, нас интересует следующий вопрос о месте и функции правоотношения собственности в механизме правового регулирования отношений собственности. Это прежде всего вопрос о том, возникает ли правоотношение до оказывания правового влияния (регулирующего воздействия) на отношение собственности или оно следует за ним, т. е. является результатом правового воздействия на отношение собственности. Из ответа на этот вопрос явствует одновременно и функция правоотношения собственности в механизме пра-

⁸ О. С. Иоффе. Спорные вопросы учения о правоотношении. См. Очерки по гражданскому праву. М., 1957, с. 25.

⁹ См. также Ю. К. Толстой. К теории правоотношения. Л., 1959. с. 19.

вового регулирования и его взаимосвязь с отношением собственности.

Провероотношение, в том числе и правоотношение собственности, как известно, возникает в силу правовой нормы и юридического факта. Возникновение правоотношения собственности — это мгновенный процесс. Вместе с возникновением правоотношения собственности возникает и субъективное право собственности как элемент правоотношения собственности. Одновременно с возникновением правоотношения собственности и субъективного права собственности возникает и отношение собственности, которое лежит в основе этих правовых явлений. Так, например, при купле гражданином из магазина нужной вещи, возникает отношение личной собственности, правоотношение личной собственности и субъективное право личной собственности. Это происходит и при первоначальном возникновении отношения собственности, правоотношения собственности и субъективного права собственности (напр., в связи с изготовлением вещи, отделением плода). Ни в одном из этих случаев мы не можем различать во времени возникновение правоотношения собственности и возникновения отношения собственности (предполагая, что для регулирования этого вида отношений собственности имеются соответствующие нормы права).

При рассмотрении правоотношения собственности как урегулированного правом отношения собственности неизбежно возникает вопрос, который ставит под серьезное сомнение такую трактовку: каким образом происходит моментальное правовое регулирование общественного отношения (имея в виду, что результат этого регулирования возникает одновременно с общественным отношением)? Считая это все-таки возможным, следовало бы признать правовое регулирование мгновенным процессом, которое прекращается после возникновения правоотношения как результата этого процесса. Непонятным при такой трактовке оставалась бы функция правоотношения в механизме правового регулирования и его взаимосвязь с общественными отношениями, в данном случае с отношениями собственности.

Зато, рассматривая правоотношение собственности как особое идеологическое отношение, которое возникает до оказывания правового влияния (регулирующего воздействия) на отношение собственности, мы освободимся от вышеуказанных трудностей и получим ответ на несколько неясных до сих пор вопросов.

В специальной литературе правоотношение рассматривается как общественное отношение, субъекты которого взаимосвязаны субъективными правами и обязанностями. С этим

следует согласиться, взаимосвязь субъективных прав и обязанностей — это и есть правоотношение. Этот принцип действует также при правоотношении собственности. Правоотношение собственности возникает в силу нормы права собственности и юридического факта как взаимосвязь субъективного права и субъективных обязанностей субъектов особого идеологического общественного отношения. Этими субъектами являются, с одной стороны, собственник, которому принадлежит субъективное право собственности, и с другой стороны, все остальные лица, на которых лежит соответствующая этому субъективному праву субъективная обязанность. Одновременно с правоотношением между этими же субъектами возникает и отношение собственности. До возникновения правоотношения собственности регулирующее воздействие нормы права не распространяется на отношение собственности, так как до этого отношения собственности не существует. Правовое регулирование отношения собственности может начинаться только после возникновения этого отношения собственности. Поскольку отношение собственности возникает одновременно с правоотношением собственности, то это значит, что правовое регулирование отношений собственности начинается только после возникновения правоотношения собственности.

Как совершается правовое регулирование отношений собственности и какую роль представляет в этом процессе правоотношение собственности? Правовое регулирование отношений собственности совершается через правоотношения собственности. У управомоченного субъекта правоотношения собственности (у собственника) — возникшее субъективное право, т. е. юридически обеспеченная возможность поведения, начинает направлять поведение собственника. У обязанных субъектов правоотношения собственности (у всех остальных лиц) возникшая юридическая обязанность, которая соответствует субъективному праву собственника, начинает направлять поведение обязанных лиц. Это значит, что правоотношение собственности начинает направлять поведение обоих субъектов (управомоченных и обязанных) правоотношения собственности. А в поведении людей и получают выражение общественные отношения, в том числе и отношения собственности. Из этого вытекает, что с возникновением правоотношения собственности не прекращается, а напротив, начинается правовое регулирование отношений собственности. Этот процесс выражается в направлении поведения субъектов правоотношения собственности (которые являются в то же время и субъектами отношения собственности) способами, зафиксированными в нормах права собственности.

Такую роль правоотношения в механизме правового регу-

лирования отношений собственности нельзя понять так, как будто правоотношение собственности является единственным правовым регулятором отношений собственности. Основным правовым регулятором общественных отношений является правовая норма, в данном случае норма права собственности. Норма права собственности не оказывает регулирующего воздействия на отношение собственности непосредственно, а лишь через правоотношение собственности, воздействуя на поведение субъектов отношения собственности и тем самым и на отношение собственности.

Такое понимание правоотношения собственности означает признание того, что после возникновения правоотношения собственности как особого идеологического общественного отношения дальше и существует отношение собственности как регулируемое материальное общественное отношение. Цель правового регулирования отношения собственности достигается в таком формировании отношения собственности, которое как можно больше соответствует правоотношению собственности, или другими словами — поведение субъектов отношения собственности направляется таким образом, которое как можно больше соответствует юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного субъекта и юридической обязанности обязанных субъектов правоотношения собственности. Таким образом реализуется правовая норма собственности и в ней содержащиеся правила поведения при правовом регулировании отношений собственности.

Выше мы отмечали, что с выводом, по которому правоотношение собственности является результатом правового регулирования отношения собственности, можно согласиться только с одной оговоркой. Уточним этот смысл. Если мы говорим о правоотношении как о результате правового регулирования, то имеем в виду не конечный, а промежуточный результат, через который достигается конечный результат — правовое регулирование отношения собственности.

По мнению О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, понимание правоотношения как особого идеологического отношения, которое возникает в силу нормы права и юридического факта и через которое совершается правовое регулирование общественных отношений, означало бы полный отрыв процесса возникновения правоотношения от регулируемых общественных отношений. Они считают такой отрыв неправильным, так как закон дает определенным фактам юридическое значение постольку, поскольку они выступают в сфере общественных отношений людей.¹⁰

¹⁰ О. С. Иоффе, Д. М. Шаргородский, указ. работа, с. 181.

Является ли этот упрек обоснованным? Следует согласиться с тем, что возникновение правоотношения нельзя изолировать от тех общественных отношений, с правовым регулированием которых связано возникновение правоотношения. Более того, с юридически регулируемыми общественными отношениями тесно связаны не только возникновение правоотношения, но и его дальнейшее существование, изменение и прекращение. По существу, вопрос состоит в том, какова эта связь между юридически регулируемым общественным отношением и правоотношением, и в чем (каким образом) эта связь проявляется?

Из трактовки О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского следует, что между юридически регулируемым общественным отношением и правоотношением существует будто бы непосредственная связь, причем регулируемое общественное отношение оказывает воздействие на правоотношение. Однако имея в виду при выяснении взаимосвязи юридически регулируемого материального общественного отношения и возникшего правоотношения существующие закономерности базиса и надстройки общества, представление о взаимосвязи регулируемого общественного отношения и правоотношения формируется несколько иначе.

Материальные общественные отношения, в том числе и отношения собственности, как составной элемент базиса общества, являются примарными общественными явлениями по сравнению с надстройкой, в состав которой входят правовые явления. Правовая надстройка формируется в обществе соответственно характеру базиса и отражает это. Правовая норма как один из важнейших элементов надстройки возникает не в результате произвольного действия людей, а в зависимости от характера тех материальных общественных отношений, на регулирование которых она направлена. Так и создается правовая норма собственности соответственно характеру отношений собственности и отражается их особенность. Правовая норма, как и надстройка общества в целом, не остается нейтральной к общественным отношениям, являющимся её основой, она оказывает на эти отношения активное обратное воздействие. Это обратное воздействие и проявляется в правовом регулировании материальных общественных отношений, являющихся основой создания правовой нормы. Правоотношение, которое возникает в ходе правового регулирования, следует рассматривать как проявление обратного воздействия правовой нормы на материальное общественное отношение. Именно правовой нормой устанавливается, какие события и действия имеют значение юридического факта, т. е. способность вызывать, изменять и прекращать правоотноше-

ние, также правовой нормой устанавливается характер правоотношения, т. е. характер юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного субъекта и характер юридической обязанности обязанного лица. В таком регулирующем действии правовой нормы проявляются и характер, и своеобразие материальных общественных отношений, которые являются основой этой нормы.

Взаимосвязь правоотношения с лежащими в её основе материальными общественными отношениями и следует искать прежде всего в регулирующем действии правовой нормы, в котором эта связь проявляется, и затем в действии самого правоотношения на регулируемые общественные отношения. Итак, взаимосвязь правоотношения и юридически регулируемого общественного отношения следовало бы рассматривать с двух аспектов. Во-первых, взаимосвязь этих явлений косвенная, это проявляется в действии, которое оказывает материальное общественное отношение через правовую норму на возникновение, характер, изменение и прекращение правоотношения. Во-вторых, взаимосвязь этих явлений непосредственная, через эту связь правоотношение проявляет регулирующее воздействие правовой нормы на общественные отношения. В последнем случае мы сможем сказать, что общественное отношение является объектом правоотношения. И идя еще дальше в своем рассуждении, можно заметить, что у правовой нормы и у правоотношения один и тот же объект — общественное отношение.¹¹

Все это действует и насчет отношения собственности как материального общественного отношения и насчет правоотношения собственности как особого идеологического отношения, возникшего в ходе правового регулирования отношений собственности.

Сказанное дает однако только схематическое представление о взаимоотношении отношения собственности и правоотношения собственности. Для выяснения понятия правоотношения собственности и субъективного права собственности необходимо хотя бы кратко остановиться на отношении собственности как общественном явлении, от которого в первую очередь зависит возникновение, характер, изменение и прекращение как правоотношения собственности, так и одного из элементов его содержания — субъективного права собственности.

---

¹¹ См. также Ю. К. Толстой. К теории правоотношения. Л., 1959, с. 48 и др.; его же, Еще раз о правоотношении. — «Правоведение», 1969, № 1, с. 35—36.

Отношение собственности является комплицированным общественным явлением, о сущности которого представлено много разных по аргументации и заключениям точек зрения. Единодушие господствует лишь в том, что отношение собственности — это не отношение человека к вещи, а отношение между людьми по поводу вещей, т. е. общественное отношение. При дальнейшем анализе сущности отношения собственности точки зрения отдельных авторов уже расходятся, вернее эти точки зрения группируются по школам, в рамках которых основные вопросы понимаются одинаково и расхождения имеются только по второстепенным вопросам. Сторонники одной такой центральной и довольно распространенной школы утверждают, что собственность в экономическом смысле — это присвоение предметов природы, и в то же время — это отношения присвоения предметов природы.¹²

Такая точка зрения выведена из одного высказывания К. Маркса в предисловии к «К критике политической экономии»: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства.»¹³ Поскольку К. Маркс в цитированном тексте после слова «собственность» написал в скобках слово «присвоение», из этого сделан вывод, что собственность и присвоение якобы равнозначные понятия. В этом же отрывке К. Марксом действительно слова «производство» и «присвоение» использованы в равном значении. Отсюда в свою очередь сделан вывод, что будто бы производство, присвоение и собственность — все равнозначные понятия. Так, ссылаясь на вышеуказанную работу К. Маркса, О. С. Иоффе в своих учебниках советского гражданского права пишет: «Собственность в экономическом смысле есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы.»¹⁴ В этом определении О. С. Иоффе повторяет слово в слово сказанное К. Марксом насчет производства, заменяя при этом слова «всякое производство» словами «собственность в экономическом смысле».

В специальной литературе такая конструкция понятия от-

---

¹² А. В. Венедиктов, указ. работа, с. 22 и др., О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, с. 355 и др., Гражданское право. Том I. М., 1969, с. 257 и др.

¹³ К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1950, с. 193.

¹⁴ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Л., 1958, с. 269; его же, Советское гражданское право. М., 1967, с. 355.

ношения собственности подвергалась справедливой критике.¹⁵ Е. А. Флейшиц, рассматривая взаимосвязь категорий «присвоение» и «собственность», указывает обоснованно на то, что последование одного слова в скобках вслед за другим, не всегда означает равнозначность понятий, обозначенных этими словами, и что в указанном высказывании К. Маркса нет основы для подобного вывода.¹⁶

С точкой зрения Е. А. Флейшиц следует полностью согласиться. Существенным аргументом еще добавим, что равное значение невозможно придать двум особоплоскостным понятиям, из которых одно — присвоение — значит деяние, некий процесс, а другое — собственность — отношение между людьми, т. е. общественное отношение. Приравнивание присвоения и собственности привело бы к отождествлению поведения людей и общественных отношений и, в конечном счете, к отрицанию существования общественных отношений вообще.

Более понятной и приемлемой представляется точка зрения тех авторов, которые рассматривают «присвоение», во-первых, как предпосылку возникновения отношения собственности и, во-вторых, — как результат отношения собственности.¹⁷ Логично, что отношение собственности как отношение между людьми по поводу некой вещи может возникать только после присвоения этой вещи, после превращения этой вещи в принадлежность какого-нибудь конкретного лица. В этом смысле присвоение является предпосылкой для возникновения отношения собственности. Присвоение происходит, главным образом, в процессе производства. Для всякого производства нужны средства производства. Средства производства всегда кем-нибудь присвоены, они принадлежат кому-нибудь, т. е. в связи с этим существуют отношения собственности. В этом смысле отношения собственности и являются предпосылкой для присвоения, а процесс присвоения является результатом отношений собственности.

В противовес этому объяснению в специальной литературе присвоение как экономическая категория дается как процесс, который не ограничивается только превращением вещи в принадлежность кого-нибудь, приобретением, а является процес-

---

¹⁵ Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. — В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Изд-во ЛГУ, 1962, с. 156 и др.; Е. А. Флейшиц. «Абсолютная» природа права собственности. В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Изд-во ЛГУ, 1962, с. 218 и др.

¹⁶ Е. А. Флейшиц, указ. работа, с. 219.

¹⁷ С. Н. Братусь. Имущественные и организационные отношения и их регулирование в СССР. — Сб.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 67 и др.; Е. А. Флейшиц, указ. работа, с. 79—80.

сом, который продолжается и после этого — в виде пользования (исчерпывания) полезных свойств вещи.¹⁸ Однако присвоение (а также отношение присвоения) не будет равным понятием отношению собственности и при таком объяснении. Ведь отношение собственности возникает и существует не только в связи с превращением в принадлежность и с использованием вещью, но и в связи с пребыванием в принадлежности (между прочим и без пользования) и отчуждением вещи.

В последние годы все больше авторов рассматривают отношение собственности как совокупность общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению вещей.¹⁹ С этой точки зрения, отношение собственности — осложненное общественное отношение, составляющее, в свою очередь, три вида общественных отношений, которые возникают в связи с владением, использованием и распоряжением вещей. При такой трактовке обычно понимаются под владением осуществление фактической власти над вещью, под использованием — извлечение полезных свойств вещи и под распоряжением — определение судьбы вещи, т. е. перемещение вещи из владения, пользование, распоряжения или собственности одного лица во владение, пользование, распоряжение или собственность другого лица, а также и уничтожение вещи. Здесь нужно подчеркнуть, что при таком понимании отношение собственности не означает указанное тройное поведение людей, а представляет собой совокупность общественных отношений, образованную в связи с этим поведением — владением, использованием и распоряжением некоей вещью. Эти общественные отношения между собственником (который владеет, пользуется и распоряжается вещью как ему принадлежащей) и всеми другими лицами (которые ведут себя в связи с этой вещью как чужие, т. е. лицами, которым данная конкретная вещь не принадлежит).

Далее мы не будем больше анализировать основные точки зрения о сущности отношения собственности. Представление этих точек зрения в самых общих чертах было нужным для того, чтобы лучше понять роль отношения собственности как материального общественного отношения в механизме правового регулирования его самого, т. е. в механизме обратного воздействия правовой надстройки на базис общества, а также для лучшего понимания взаимосвязи отношения собственности с объективным правом собственности и правоотношением соб-

¹⁸ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, с. 363.

¹⁹ Советское гражданское право. М., 1965, с. 252; Гражданское право. Том I. М., 1969, с. 260; Советское гражданское право. Том I. Изд-во ЛГУ, 1971, с. 226.

ственности. Такая трактовка дает попутно и дополнительную возможность для решения истинности этих двух точек зрения о сущности отношения собственности.

Если исходить из того, что социально-экономическое содержание отношения собственности заключается в присвоении предметов природы, то следовало бы рассматривать отношение собственности, как отношение присвоения и правовые нормы, которые направлены на урегулирование этих общественных отношений, как право присвоения. Так это и делается.²⁰ Развивая эту точку зрения, по логике вещей следовало бы далее рассматривать и возникшее в ходе правового регулирования правоотношение как правоотношение присвоения и являющееся составным элементом этого правоотношения субъективное право как право присвоения, содержанием которого было бы юридически обеспеченная возможность присвоения предметов природы. Однако такой последовательности сторонники теории «присвоения» не проявляют.

В чем же тут причина? Выше мы уже отмечали, что правовая норма как составной элемент надстройки общества должна соответствовать характеру общественных отношений, являющихся основой этой нормы, и отражать их. Такая роль регулируемых общественных отношений оказывает и влияние на регулирующее воздействие правовой нормы, т. е. на обратное воздействие правовой нормы на общественное отношение. Отсюда возникает вопрос: как проявляется такая роль в норме права собственности и в регулирующем воздействии нормы права собственности. В этой связи нас прежде всего интересует — отражает ли норма права собственности отношение собственности как отношение присвоения или как совокупность отношений по владению, пользованию и распоряжению?

Статья 19 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (а также ст. 92 ГК РСФСР и ст. 95 ГК Эст. ССР и соответствующие статьи ГК других союзных республик) содержит самую общую норму права собственности. В этой статье сказано: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом».

Из приведенной правовой нормы нетрудно заметить, что она соответствует отношению собственности как совокупности отношений по владению, пользованию и распоряжению и отражает это общественное отношение. Эта правовая норма определяет и специфику возникшего в ходе правового регулирования отношения собственности, правоотношения собствен-

---

²⁰ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., 1967, с. 358.

ности и субъективного права собственности. Именно из этой правовой нормы вытекает субъективное право управомоченного субъекта правоотношения собственности (т. е. собственника), которое состоит в юридически обеспеченной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью и юридическая обязанность обязанных лиц правоотношения собственности — не препятствовать собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью.

Авторы, исходящие из теории «присвоения», понимают субъективное право собственности также как юридически обеспеченную возможность собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью. Однако точка зрения этих авторов, из аспекта системного рассмотрения, нелогична и противоречива. Во-первых, по этим авторам, у отношения собственности и у нормы права собственности отсутствует взаимосвязь, которая характерна для элементов базиса и надстройки — норма права собственности не отражает отношение собственности как присвоение (и не как отношение присвоения). Во-вторых, не проявляется и взаимосвязь правоотношения собственности и субъективного права собственности с отношением собственности — составные элементы субъективного права собственности правомочия владения, пользования и распоряжения возникают у них как будто на «пустом месте», ибо присвоение (как и отношение присвоения) аналогичные элементы (отношения владения, пользования и распоряжения) не содержит. Резюмируя, можно сказать, что по теории «присвоения» норма права собственности, правоотношение собственности и субъективное право собственности обособлены от их экономической основы — от отношения собственности. Зато понимание отношения собственности как совокупность общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению позволяет нам представить механизм правового регулирования отношения собственности в качестве логической системы, в которой отношение собственности, норма права собственности, правоотношение собственности и субъективное право собственности взаимосвязаны между собой и обусловлены друг другом.

Такое представление вполне соответствует пониманию правоотношения собственности как особого идеологического отношения, которое возникает в ходе правового регулирования отношения собственности, через посредство которого норма права собственности регулирует отношение собственности.

Остановимся еще на некоторых аспектах понятия субъективного права собственности. Выше мы уже определили субъективное право собственности как принадлежащее собственнику право, которое состоит в юридически обеспеченной воз-

возможности собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своею вещью. Это самое общее определение, вытекающее из предыдущего рассмотрения правоотношения собственности. Содержит это определение множество проблем, связанных с общей теорией субъективного права и спецификой субъективного права собственности как одного вида субъективного права.

Как известно, термином «субъективное право» обозначается право, принадлежащее конкретному лицу, субъекту права. Отсюда и наименование — субъективное право, которое указывает на отличие этого правового явления от правовых норм как объективного права.

В связи с правоотношением и субъективным правом нас прежде всего интересует, принадлежит ли субъективное право только субъекту правоотношения или оно существует и вне правоотношения. Сообразуясь с темой настоящей работы, это вопрос о том, является ли субъективное право собственности элементом правоотношения собственности или существует оно и вне правоотношения собственности.

В специальной литературе по этой части мнения расходятся. Одни авторы²¹ отождествляют субъективное право с правом субъекта правоотношения и, по их мнению, вне правоотношения субъективных прав не существует. Другие же авторы²² в свою очередь утверждают, что субъективное право нельзя отождествлять с элементом правоотношения, что понятие субъективного права заметно шире, оно включает в себя и права, которые не являются элементами правоотношения. Среди таких прав рассматривается и субъективное право собственности. Насчет права собственности такое мнение выразил, например, Д. М. Генкин.²³

Не обращая внимания на некоторые отличия точек зрения у отдельных авторов, идея сторонников второй точки зрения состоит в том, что субъекту права принадлежат субъективные права двойного рода, во-первых, те, которые

---

²¹ Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955, с. 107—109; О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций). Изд-во ЛГУ, 1958, с. 70—71; Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1955, с. 72—73.

²² Л. С. Явич. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957, с. 88—90; М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической собственности. М., 1959, с. 159—161; И. А. Ямпольская. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях. В сб.: Вопросы советского государственного права. М., 1959, с. 159—160.

²³ Д. М. Генкин. Право собственности как абсолютное субъективное право. — «Советское государство и право», 1958, № 6, с. 92 и др.; его же, Право собственности в СССР. М., 1961, с. 32 и др.

принадлежат ему как субъекту правоотношения и, во-вторых, те, которые вытекают непосредственно из правовой нормы.

С такой точкой зрения трудно согласиться. Субъективное право рассматривается в общем (в том числе и сторонниками приведенных здесь обеих точек зрения) как принадлежащее субъекту право юридически обеспеченной возможности поведения. Субъективное право как юридически обеспеченная возможность поведения предполагает всегда существование обязанности поведения другого субъекта права, которая соответствует этой возможности поведения. Без такой ответной обязанности немыслимо применение государственного принуждения для превращения в жизнь субъективного права как возможности поведения, ибо это можно сделать лишь в отношении лица, нарушившего свою обязанность. Возможность применения государственного принуждения — это характерный признак всякого субъективного права. Без ответной обязанности субъективное право вообще стало бы бессмысленным, так как о юридически обеспеченной возможности поведения мы можем говорить только в отношении кого-нибудь.

А если субъективному праву одного лица корреспондирует обязанность поведения другого лица, это значит, что между этими лицами существует правовая связь. Эту правовую связь мы и называем правоотношением. И правоотношение собственности ничто иное, как юридически обеспеченная возможность определенного поведения, которой корреспондирует обязанность определенного поведения всех других лиц.²⁴

Исходя из этого, нельзя согласиться с авторами, которые считают возможным существование субъективного права вне правоотношения по той причине, что они не находят субъективному праву одного лица корреспондирующую обязанность другого лица (других лиц), а также с Д. М. Генкиным, который согласен, что субъективному праву собственности отвечают субъективные обязанности других лиц, но несмотря на это, не считает субъективное право составным элементом правоотношения собственности.

В специальной литературе при анализе содержания субъективного права у разных авторов выявляются также разные точки зрения, которые нужно иметь в виду в связи с рассмотрением вопросов субъективного права собственности.

---

²⁴ См. подробнее Ж. К. Ананьева. О теории субъективного права в юридической литературе. — Уч. зап. Тартуского госуниверситета. Труды по правоведению, XII. Тарту, 1970, с. 36 и др.; Ю. К. Толстой. Спорные вопросы учения о праве собственности. — Сборник уч. трудов Свердловского юридического института, вып. 13. Свердловск, 1970, с. 67 и др.

Одни авторы, например, определяют содержание субъективного права конкретного лица через обязанности другого лица. Так, Я. М. Магазинер утверждал, что субъективное право всегда является правом не на свое, а на чужое поведение,²⁵ что содержание субъективного права состоит в поступках обязанного лица, которых может от него требовать управомоченное лицо.²⁶

М. М. Агарков, в свою очередь считал, что содержанием субъективного права является претензия управомоченного лица, которую он может предъявить при нарушении обязанности другого лица, выполнение которой обеспечивается принудительной силой государства.²⁷

Понимание субъективного права Я. М. Магазинера и М. М. Агаркова подвергалось обоснованной критике и со стороны С. Н. Братуся²⁸ и Л. С. Явича.²⁹ Оба упомянутые автора находят, что неправильно определять субъективное право через поведение обязанного лица, что содержание субъективного права составляет возможность управомоченного лица совершать позитивные поступки. Правильно отмечает С. Н. Братусь, что если связывать возникновение субъективного права с нарушением обязанности, лежащей на другом лице, то следовательно, без такого нарушения якобы не было бы субъективного права.

Однако полностью нельзя согласиться и с последними авторами. При определении сущности и содержания субъективного права нам следует исходить как из юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного лица, так и из обязанности поведения обязанного лица (обязанных лиц) и из требования выполнения его со стороны управомоченного лица. В зависимости от характера субъективного права — имеем ли мы дело с абсолютным или релятивным субъективным правом — у юридически обеспеченной возможности поведения управомоченного субъекта и у обязанности поведения обязанного лица разное значение при раскрытии сущности и содержания субъективного права. В случае абсолютного субъективного права (значит и субъективного права собствен-

---

²⁵ Я. М. Магазинер. Объект права. — В сб.: Очерки по гражданскому праву. Изд.-во ЛГУ, 1957, с. 73.

²⁶ Там же, с. 66—67.

²⁷ М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН, вып. III, М., 1940, с. 70—73.

²⁸ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права. Госюриздат, М., 1950, с. 8—9.

²⁹ Л. С. Явич. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Таджикский гос. университет им. В. И. Ленина. Сталинабад, 1957, с. 84—86.

ности) определяющим является юридически обеспеченная возможность поведения управомоченного лица; в случае релятивного субъективного права центр тяжести лежит на поведении обязанного лица, на тех поступках, исполнение которых от него может требовать управомоченное лицо. Таким образом при раскрытии сущности и содержания субъективного права существенны как юридически обеспеченная возможность поведения управомоченного лица, так и обязанность поведения обязанного лица.

О. С. Иоффе рассматривает субъективное право как двоякую возможность поведения управомоченного лица — во-первых, совершать самому определенные поступки и, во-вторых, требовать соответствующего поведения от других лиц.³⁰ По Н. Г. Александрову, субъективное право состоит из единства трех возможностей: а) возможности определенного поведения управомоченного лица, б) возможности управомоченного лица требовать соответствующего поведения от других лиц и в) возможности управомоченного лица обратиться в нужных случаях к принудительному аппарату государства для осуществления второго правомочия.³¹ Как видим, Н. Г. Александров представляет содержание субъективного права на один компонент больше, чем О. С. Иоффе.

Более обоснованной следует считать точку зрения О. С. Иоффе. Предложение Н. Г. Александрова в качестве третьего самостоятельного признака содержания субъективного права возможности управомоченного лица обратиться в нужных случаях к принудительному аппарату для осуществления второго правомочия, представляется чрезмерным. Правильно отмечает Ж. К. Ананьева, что определение субъективного права как обеспеченной законом возможности поведения само по себе указывает на возможность использования принудительной силы государства при его осуществлении.³² В противном случае субъективное право не было бы правом.

На основе изложенного следовало бы трактовать субъективное право собственности не только как юридически обеспеченную возможность поведения самого управомоченного субъекта правоотношения собственности (т. е. собственника), но как и его юридически обеспеченную возможность требовать соответствующего поведения от обязанных лиц (т. е. от всех других

---

³⁰ О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций). Изд-во ЛГУ, 1958, с. 71; его же, Советское гражданское право. М., 1967, с. 89.

³¹ Н. Г. Александров. Законность и правоотношение в советском обществе. М., 1955, с. 109.

³² Ж. К. Ананьева, указ. работа, с. 33.

лиц). Поскольку при субъективном праве собственности юридически обеспеченная возможность управомоченного субъекта состоит в свою очередь из трех элементов (из правомочий владения, пользования и распоряжения), то субъективное право собственности в целом состоит не из трех правомочий, как это обычно отмечается в литературе, а из четырех. Ими являются юридически обеспеченные возможности собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом и требовать от всех других лиц, чтобы они не препятствовали ему в осуществлении этих правомочий.

О РАВЕНСТВЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Э. Я. Лаасик

1. Имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей совместной собственностью (ч. I ст. 20 КоБС ЭССР). При этом имеется в виду лишь брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния (ч. 3 ст. 12 КоБС ЭССР). Однако, если фактически брачные отношения возникли до издания Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 июля 1944 г. и имущество приобретено этими гражданами совместно до издания упомянутого указа, приобретенное имущество также считается их общей совместной собственностью.

Право общей совместной собственности супругов (как совокупность определенных норм права) регулирует специфические общественные отношения между супругами,¹ возникающие с момента приобретения ими права личной собственности на имущество во время брака. В отличие от субъективного права личной собственности, являющегося абсолютным правом, субъективное право общей совместной собственности — право относительное.² Оно возникает у управомоченного субъекта в таком правоотношении, в котором и обязанный субъект известен и точно определен (другой супруг).

Семейное законодательство и судебная практика исходят из того, что общая совместная собственность супругов возникает в случае возникновения права личной собственности на имущество у супругов из их **общих трудовых доходов**. Иное же имущество, приобретенное на законных основаниях,

---

¹ Х. Сепп. О понятии права общей собственности. Научно-практическая конференция 22—23 декабря 1971 г. «Проблемы применения и совершенствования гражданского и гражданско-процессуального законодательства Эстонской ССР». Тезисы докладов. На эстонском языке. Ротапринт ТГУ. Тарту, 1971, с. 10.

² См. Ю. К. Толстой. — Д. Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. — «Правоведение», 1960, № 2, с. 170.

является **раздельной собственностью**³ того из супругов, который приобрел это имущество.⁴

В новом КоБС ЭССР узаконены как в судебной практике, так и в юридической литературе давно общепризнанные принципы в следующей редакции: а) общей совместной собственностью супругов является имущество, нажитое во время брака и в том случае, если другой супруг был занят ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка (ч. 2 ст. 20 КоБС ЭССР) и б) общей совместной собственностью супругов может быть признано имущество, принадлежавшее одному из супругов до вступления в брак, если стоимость этого имущества существенно увеличилась вследствие трудовых или денежных затрат, произведенных супругами во время брака (ч. 3 ст. 20 КоБС ЭССР).

2. Значение института права общей совместной собственности супругов (совокупности норм права) заключается в том, что именно им устанавливаются супругам равные права владения, пользования и распоряжения имуществом, являющимся их общей совместной собственностью (ч. 1 ст. 20 КоБС ЭССР). Из этого следует, что в этом случае оба супруга являются одновременно управомоченными субъектами правоотношения личной собственности граждан и что ни один из супругов не имеет на это имущество больших субъективных прав.

3. С точки зрения правового регулирования общественных отношений важно не только наличие справедливых законов, но и действительная возможность осуществления субъективных прав, возникающих при реализации норм права. П. П. Касък уже указывал на то, что вопросам осуществления права личной собственности в юридической литературе уделено мало внимания,⁵ и сформулировал вполне приемлемое понятие осуществления права личной собственности.⁶ Его упрек актуален и для данного случая, когда речь идет об осуществлении права

---

³ Этот термин употребляется в КоБС УССР (ст. 24), КоБС Каз. ССР (ст. 23) и в других кодексах союзных республик. Он известен и в юридической литературе. В КоБС ЭССР употребляется вместо него менее точный термин «личная собственность», имеющий и другое первостепенное значение как вид собственности.

⁴ А. Раяла. Имущество, находящееся в общей совместной собственности супругов и его раздел. — «Советское право», 1972, № 1, с. 18.

⁵ П. П. Касък. Понятие. общие принципы и гарантии осуществления права личной собственности. Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 197. Труды по правоведению. VII. Тарту, 1967, с. 19. (На эстонском языке).

⁶ П. П. Касък. Осуществление и защита права личной собственности. Автореферат кандидатской диссертации. Тарту, 1967, с. 9.

личной собственности супругами на имущество, являющееся их общей совместной собственностью. Даже в семейно-правовой литературе, вышедшей в последнее время, как правило, только констатируется наличие у супругов равных прав на имущество, приобретенное ими во время брака, в лучшем случае указывается и на гарантии осуществления ими субъективных прав (возможность в случае спора обратиться в суд). Более глубокое изучение самого осуществления субъективного права личной собственности супругами на имущество, являющееся их общей совместной собственностью, и разъяснение, как выглядит при этом равенство прав супругов, гарантированное им нормами права общей совместной собственности, почти отсутствует.⁷

4. Порядок осуществления права общей совместной собственности супругов регулируется нормами КоБС ЭССР (ст. 21) отдельно от определения содержания права общей совместной собственности супругов (ст. 20 КоБС ЭССР), устанавливая, что владение, пользование и распоряжение имуществом, являющимся общей совместной собственностью супругов, осуществляется по их обоюдному согласию. Если обоюдное согласие между супругами не достигнуто, закон (ч. 1 ст. 21 КоБС ЭССР) гарантирует обоим супругам равную возможность обратиться к принудительной силе государства для принуждения к должному поведению другого супруга, устанавливая, что в случае разногласия спор разрешается судом по иску любого из супругов.

Равность наличия права личной собственности у супругов на имущество, нажитое ими во время брака, осуществление ими права личной собственности на это имущество только по обоюдному согласию и равные гарантии осуществления ими этих прав — важнейшие принципы института права общей совместной собственности супругов.

5. Осуществление супругами права личной собственности на имущество, являющегося их общей совместной собственностью, проявляется чаще всего в совершении ими различных имущественных сделок с третьими лицами. Следовательно, и для совершения сделок необходимо обоюдное согласие обоих супругов. Изъявление согласия — это изъявление воли, а изъявление обоюдного согласия супругов — это изъявление воли обоих супругов. Волеизъявитель — это сторона сделки. Следовательно, при изъявлении обоюдного согласия на соверше-

---

⁷ В. П. Шахматов, Б. Л. Хаскельберг. Новый кодекс о браке и семье РСФСР. Томск, 1970, с. 42—59; В. А. Рясенцев. Семейное право. М., 1971, с. 90—106.

ние сделки оба супруга являются сторонами совершаемой сделки.

Однако требование о непременном и непосредственном участии обоих супругов во всех сделках, совершаемых в отношении их общего совместного имущества, осложнило бы не только осуществление супругами права личной собственности на общее совместное имущество, а сделало бы участие супругов в гражданском обороте почти невозможным. Поэтому в практике давно сложился принцип, поддержанный и в юридической литературе, по которому при совершении одним из супругов сделки на имущество, являющееся их общей совместной собственностью, наличие согласия другого супруга предполагалось. В настоящее время этот принцип узаконен в КоБС ЭССР (ч. 2 ст. 21) дословно только для случаев совершения одним из супругов сделок на отчуждение общего совместного имущества. Думается, что это указание распространяется и на другие сделки, совершаемые супругами в отношении их общего совместного имущества, например, на случай сдачи имущества в наем и др.

Согласие другого супруга на совершение одним из супругов сделки в отношении их общего совместного имущества, как правило, особому оформлению не подлежит. Предполагается, что оно дано в устной форме супругу, фактически совершающему сделку. Кто из супругов становится субъектом фактически совершаемой сделки, также решается по их обоюдному согласию. Если же оба супруга считают нужным выступать субъектами в сделке на одной стороне, тогда обоюдность согласия выражается в одновременном и непосредственном волеизъявлении обоих супругов.

Однако в отношении оформления согласия другого супруга действующее законодательство содержит два исключения: для совершения сделки об отчуждении имущества, требующего а) обязательного нотариального удостоверения или б) обязательной регистрации в соответствующих органах, согласие другого супруга на совершение сделки должно быть выражено в письменной форме (ч. 2, ст. 21 КоБС ЭССР). Между прочим, требование о представлении письменного согласия другого супруга для совершения одним супругом некоторых сделок было узаконено подзаконным актом и до введения в действие КоБС ЭССР.⁸

6. По правилам гражданских кодексов большинства союзных республик, в том числе по правилам ГК РСФСР (ст. 239),

---

⁸ П. 58 «Положения о нотариате Эстонской ССР». Утверждено Постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 20 апреля 1966 г. № 167. — ВВСП ЭССР 1967, № 18, ст. 109.

договор об отчуждении жилого дома или дачи подлежит регистрации в соответствующих органах. В этом случае регистрация является не только стадией завершения сделки, ибо без этого договор, хотя и нотариально оформленный, недействителен. Регистрацией определяется и момент возникновения права собственности у приобретателя (ч. 2, ст. 135 ГК РСФСР). Гражданский же кодекс Эстонской ССР таких правил не содержит. Договор об отчуждении жилого дома, если он совершен в нотариальном порядке, действителен независимо от регистрации его, хотя по прямому предписанию ГК ЭССР (ч. 2, ст. 244) он также подлежит регистрации в соответствующих органах, и еще в течение трех месяцев со дня нотариального совершения его. По правилам ГК ЭССР только несоблюдение нотариального порядка удостоверения договора влечет за собой недействительность договора. Следовательно, регистрация договора об отчуждении жилого дома в соответствующих органах по правилам ГК ЭССР носит только административно-правовой, учетный характер и означает принятие соответствующими органами на учет определенных вещей, принадлежащих гражданам на праве личной собственности. Подобному учету подлежат, например, и автотранспортные средства, охотничьи ружья и т. п. Такой учет нужен, например, финансовым органам и органам Госстраха для обложения личных собственников жилых домов налогами и сборами.⁹

Поскольку права владения, пользования и распоряжения супругов имуществом, нажитом ими во время брака, прямым указанием закона (ч. 1, ст. 20 КОБС ЭССР) объявлены равными, регистрация этого имущества на имя одного из супругов установленного принципа равенства изменить или отменить не может. В. А. Рясенцев совершенно обоснованно подчеркивает, что формальное закрепление жилого дома, автомобиля, приобретенных во время брака на имя одного из супругов (при регистрации в установленном порядке), не означает, что другой супруг лишается права на это имущество. «Независимо от регистрации последнего на имя одного супруга», — утверждает он —, «...» это имущество продолжает оставаться общим.»¹⁰ Следовательно, оба супруга имеют равные права осуществить право личной собственности на общее совместное имущество, независимо от того, на имя которого из них это имущество зарегистрировано. Действующее законодательство

⁹ По законодательству РСФСР и большинства союзных республик регистрация жилых домов и дач, как было указано выше, имеет двойное, т. е. гражданско-правовое и административно-правовое значение.

¹⁰ В. Я. Рясенцев. Семейное право. М., 1971, с. 95.

не содержит даже малейшего намека на возникновение неравного правового положения супругов. Так, например, в п. 64 «Положения о нотариате Эстонской ССР»¹¹ говорится именно о праве любого пережившего супруга, а не только о праве пережившего супруга, на имя которого общее совместное имущество не было зарегистрировано, получить свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе в случае смерти другого супруга. Почти дословно введено это право переживших супругов и в закон Эстонской ССР «О государственном нотариате» (ст. 43). В п. 58 того же положения прямо указывается, что при удостоверении договора отчуждения жилого дома (его части) или другого имущества, приобретенного совместно в течение брака, нотариус требует представления письменного согласия другого супруга на отчуждение общего имущества. Совершенно очевидно, что регистрации имущества на имя одного из супругов никакого значения не придается. Имеются в виду оба супруга, т. е. как тот, на имя которого общее совместное имущество зарегистрировано, так и тот, на имя которого общее совместное имущество не зарегистрировано.

7. Исходя именно из принципа равенства как тот переживший супруг, на имя которого общее совместное имущество было зарегистрировано, так и тот переживший супруг, на имя которого общее совместное имущество не зарегистрировано, должен обладать правом получить свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе (но не более чем на половину доли общего имущества). Более того, чтобы устранить всякую возможность умаления интересов другого супруга, на имя которого общее совместное имущество не зарегистрировано, в ст. 21 КоБС ЭССР прямо установлено, что правила настоящей статьи распространяются и на те случаи, когда имущество, являющееся общей совместной собственностью супругов, зарегистрировано в соответствующих органах на имя одного из них. Поэтому нам кажется, что хотя, например, «Правилами комиссионной торговли легковыми автомобилями и тяжелыми мотоциклами с колясками, принадлежащими индивидуальным владельцам»¹² представление согласия другого супруга на продажу указанных транспортных

---

¹¹ По ранее действовавшему законодательству РСФСР такое свидетельство могло быть получено также любым из супругов, но только с согласия всех наследников, принявших наследство. (К. С. Юделсон, А. К. Кац. Научно-практический комментарий к положению о государственном нотариате. М., 1970, ст. 53, с. 138). В законодательстве Эстонской ССР такого ограничения нет.

¹² Утверждены Министерством Торговли Эстонской ССР и Министерством Внутренних дел Эстонской ССР 4 октября 1971 г.

средств прямо не предусмотрено, торговые организации при совершении таких сделок все равно должны требовать представления письменного согласия другого супруга, так как эти транспортные средства подлежат обязательной регистрации в органах госавтоинспекции. Соблюдать правила КоБС должны не только супруги и третьи лица — граждане, но и работники всех советских органов независимо от наличия или содержания подзаконного акта (инструкции, положения).

8. Общее совместное имущество супругов — это их бездолевая собственность. Доля каждого из супругов в общем имуществе может быть определена только в момент раздела, — справедливо указывает В. А. Рясенцев.¹³ До этого момента в нем никаких долей не существует. Слово «совместное» — это и в лингвистике означает бездолевое.¹⁴ Раздел же упомянутого имущества может быть произведен как в связи с разводом, так и во время брака (ст. 23 КоБС ЭССР).

В случае раздела общего совместного имущества право общей совместной собственности у супругов прекращается. Если в общем имуществе будут определены доли без раздела имущества в натуре, у супругов (или у бывших супругов) возникает право общей долевой собственности, являющееся, как и право общей совместной собственности супругов, относительным правом.¹⁵ При делимости вещи (имущества) — объекта правоотношения личной собственности, уполномоченными субъектами которого оба супруга (бывшие супруги) являются и в случае фактического раздела этого имущества в натуре, права общей долевой собственности не возникает, так как части имущества превращаются в таком случае в само-

¹³ В. А. Рясенцев, указ. соч., с. 93.

¹⁴ П. П. Касьяк утверждает, что право общей собственности делится на части как при общей долевой собственности, так и при общей совместной собственности. Разница, по его мнению, между этими двумя видами права общей собственности только в том, что в первом случае доли в праве определены, в другом случае не определены, но они все-таки существуют. (Научно-практическая конференция 22—23 декабря 1971 г. Проблемы применения и совершенствования гражданского и гражданско-процессуального законодательства Эстонской ССР. Тезисы докладов. На эстонском языке. Ротапринт ТГУ. Тарту, 1971, с. 19). С нашей точки зрения, в праве, как в идеологической категории, никаких долей быть не может. Право (речь, конечно, может идти только о субъективном праве), какое бы оно по содержанию не было и как бы ограничено оно, по сравнению с другими правами, не было, принадлежит определенному лицу, субъекту правоотношения, целиком и полностью. Кроме того, трудно вообще себе представить наличие явления тогда, когда это явление порождается позднее, в данном случае после деления целого.

¹⁵ Ю. Г. Басин и др. Советское гражданское право Казахской ССР. Учебное пособие. Вып. III. «Право собственности». Алма-Ата, 1970, с. 152.

стоятельные единицы и принадлежат супругам (бывшим супругам) на праве индивидуальной личной собственности.¹⁶

9. Как было показано выше, право общей совместной собственности супругов должно гарантировать обоим супругам равные права владения, пользования, распоряжения имуществом, являющимся их общей совместной собственностью, т. е. равную возможность осуществить права личной собственности на общее совместное имущество. Это однако не относится как будто бы ко всему совместному имуществу супругов. Если имущество зарегистрировано на имя одного из супругов, правовое положение супругов оказывается в практике совершенно неравным. **Супруг, на имя которого общее совместное имущество зарегистрировано, имеет гораздо большие права на это имущество, чем другой супруг, на имя которого имущество не зарегистрировано.** Так, например, субъектом в сделке об отчуждении общего совместного имущества может выступать только тот супруг, на имя которого это имущество зарегистрировано. Другой супруг субъектом этой сделки вообще быть не может и даже тогда, когда другой супруг, на имя которого имущество зарегистрировано, оформил свое согласие на отчуждение имущества в письменной форме. При этом нелогичность проявляется еще и в следующем: если сделка об отчуждении имущества удостоверяется в нотариальном порядке, нотариус требует от отчуждателя представления письменного согласия другого супруга, на имя которого отчуждаемое имущество не зарегистрировано. При продаже же автомобилей и тяжелых мотоциклов с колясками через комиссионный магазин наличие согласия другого супруга, на имя которого автомобиль или мотоцикл не зарегистрирован, никто даже и не спрашивает. Трудно представить себе, в чем заключается равенство права распоряжения общим совместным имуществом супругов при таком понимании вопроса. И, наконец, вот что пишется в постановлении пленума Верховного Суда Эстонской ССР по иску Н. Александрова к В. Лукошовой и В. Лукошову: поскольку легковые автомашины, принадлежащие гражданам на праве личной собственности, подлежат обязательной регистрации в соответствующих органах госавтоинспекции, то собственником автомобиля считается только то лицо, на имя которого он зарегистрирован. Мнение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда ЭССР о том, что автомашина, приобретенная во время брака, являе-

---

¹⁶ См. Р. П. Мананкова. К вопросу об объектах правоотношения общей долевой собственности граждан. Труды Томского госуниверситета. Сборник работ Барнаульского юридического факультета. Томск, 1971, с. 92.

тсѧ общей совместной собственностью супругов, пленум признал даже ошибочным. Однако это не помешало пленуму буквально в следующем абзаце того же постановления утверждать, что тот факт, что автомашина была приобретена во время брака, может иметь значение только при разделе общего совместного имущества.¹⁷ Нам кажется, что никак невозможно обосновать правильность мнения пленума Верховного Суда Эстонской ССР, высказанного по приведенному делу.

10. Еще ярче выявляются на практике последствия регистрации имущества, являющегося общей совместной собственностью, на имя одного из супругов в случае смерти одного из них. Ниже укажем только на некоторые из них.

а) Если умирает супруг, на имя которого было зарегистрировано имущество, являющееся общей совместной собственностью супругов, пережившему супругу на основании его заявления выдается нотариусом свидетельство о праве собственности на долю, но не более чем на половину в общем имуществе. За выдачу свидетельства берется 50 коп. Это свидетельство может быть получено пережившим супругом немедленно после смерти другого супруга, как только будет подано нотариусу соответствующее заявление с обязательно прилагаемыми документами (свидетельства о браке, свидетельства о смерти супруга и справки о времени приобретения этого имущества). Оставшаяся часть из общего имущества — наследственное имущество. Если среди наследников есть такие граждане, которые имеют право на обязательную долю в наследстве (несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители и др.), нотариус обращает на защиту их интересов особое внимание и они без доли из наследственного имущества не останутся.

Чтобы гарантировать лицам, приобретающим право собственности на долю в имуществе в порядке наследования, возможность пользоваться правом преимущественной покупки доли, супруг, получивший свидетельство о праве собственности на определенную долю из общего имущества, этой долей в общем имуществе до истечения срока принятия наследства всеми наследниками практически распорядиться не может, так как нотариус до окончания упомянутого срока не удостоверяет договора об отчуждении доли из общего имущества.

Если переживший супруг — единственный наследник умершего, то он получает и указанную оставшуюся часть из

---

¹⁷ Постановление пленума Верховного Суда Эстонской ССР от 1 августа 1970 г. — Гражданское дело № 9 II — 1970 по иску Н. Александрова к В. Лукошовой и В. Лукошову.

общего имущества, но только на основании норм наследственного права. При получении свидетельства о праве на наследство переживший супруг, как и всякий иной наследник, обязан платить госпошлину в размере до 10% от стоимости наследственного имущества.

б) Если же умирает супруг, на имя которого общее совместное имущество не было зарегистрировано, то правовое положение пережившего супруга оказывается на практике совершенно иным. Ему в практике не нужно получать ни свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов (за 50 коп.), ни свидетельства о праве на наследство на долю в общем имуществе и платить госпошлину до 10% от стоимости наследственного имущества. Нормы наследственного права как будто на этот случай вообще не распространяются. Объясняют это тем, что со смертью другого супруга возможность применения норм права общей совместной собственности, устанавливающих, что владение, пользование и распоряжение имуществом, являющимся общей совместной собственностью супругов, осуществляется по их обоюдному согласию, отпадает и субъективное право общей совместной собственности просто прекращается. Остается только один управомоченный субъект правоотношения собственности и принадлежащее только ему индивидуальное право личной собственности. Поэтому переживший супруг распоряжается всем имуществом единолично, хотя это имущество было нажито во время брака. На практике переживший супруг в этом случае действительно может без каких-либо препятствий сразу, хоть на следующий день после смерти другого супруга, отчуждить даже по нотариально удостоверенному договору все упомянутое имущество, как только будет письменно доказана смерть супруга. Таким образом, такой переживший супруг может фактически оставить без наследства всех наследников умершего супруга, в том числе и малолетних детей и нетрудоспособных родителей, имеющих даже право на обязательную долю в наследстве, и отнять у наследников, принявших наследство, возможность пользоваться правом преимущественной покупки долей в общем имуществе.

11. Могут сказать, что наследники вправе обратиться с иском в суд и требовать раздела наследственного имущества в судебном порядке (ст. 563 ГК ЭССР). Это верно, но удовлетворение иска после продажи имущества малоэффективно. Договор об отчуждении имущества, заключенный между пережившим супругом, на имя которого нажитое во время брака имущество было зарегистрировано, и третьим лицом — добросовестным приобретателем признанию недействительным не подлежит, и наследники в лучшем случае получают только

денежную компенсацию. Немаловажен и тот истинный факт, что престарелые родители умершего супруга, как правило, иска в суд по различным причинам не предъявляют и судебного спора вообще не возникает.

12. Если наследники умершего супруга, на имя которого совместное имущество не было зарегистрировано, в том числе и нетрудоспособные его родители, в течение шести месяцев и обращаются в нотариальную контору с просьбой выдать им свидетельство о праве на наследство, представляя нотариусу все необходимые документы (свидетельство о смерти, свидетельство о браке, справку о времени приобретения имущества, справку о регистрации имущества на имя пережившего супруга и др.), нотариус все равно отказывает в выдаче свидетельства о праве на наследство по той простой причине, что за умершим никакого имущества не числится. Своего отказа нотариусы письменно не оформляют, а поэтому жалоб на действие нотариуса по этой категории дел в судебной практике нет.

13. Еще хуже обстоит дело с правом наследования несовершеннолетними детьми. Если общее совместное имущество зарегистрировано на имя умершего супруга, то **несовершеннолетние дети всегда получают определенную долю из наследственного имущества при наследовании** как по закону, так и по завещанию, за исключением случая отказа опекуна в приеме наследства с согласия органов опеки и попечительства (ст. 156 КоБС ЭССР). Если же общее совместное имущество зарегистрировано на имя пережившего супруга, то в случае смерти другого супруга **несовершеннолетние дети, по действовавшему до 1 января 1974 закону, как ни странно, всегда оставались без наследства, а с 1 января 1974 г. это зависит от воли пережившего супруга.** В ч. 2 ст. 43 «Закона «О государственном нотариате»», принятым Верховным Советом Эстонской ССР 21 декабря 1973 г.¹⁸ установлено, что свидетельство о праве собственности может быть выдано и на долю умершего супруга в общем имуществе, но это может быть сделано только на основании соответствующего заявления пережившего супруга. Если такое заявление пережившим супругом подается, то дело конечно решено справедливо. Выделяемая на имя умершего супруга доля в общем имуществе и является наследственным имуществом, переходящим к наследникам умершего супруга, к числу которых принадлежит и переживший супруг, по праву наследования. Узаконение такого важного положения является, конечно, крупным шагом вперед в

---

¹⁸ ВВС ЭССР 1973, № 53, ст. 473.

деле развития законодательства в пользу наследников, и в особенности в интересах несовершеннолетних детей. Но переживший супруг, как правило, не заинтересован в раздроблении оставшегося общего совместного имущества. Он может и не подать заявления нотариальному органу на выдачу свидетельства о праве собственности на долю умершего супруга в общем имуществе. Тогда налицо такое положение, уже охарактеризованное выше, какое было всегда до 1 января 1974 г., и несовершеннолетний остается, как правило, всегда без наследства. Так, например, если мать завещает все свое имущество своему малолетнему сыну, а единственное общее совместное имущество — дом — зарегистрирован на имя отца, т. е. жившего супруга, то в случае её смерти такое завещание останется неисполненным, а малолетний сын — без наследства, если переживший супруг не подаст нотариальному органу заявления на выдачу свидетельства о праве собственности на долю умершего супруга в общем имуществе.

Пережившему супругу неинтересно терять $\frac{1}{2}$ части дома, или, в случае принятия им наследства, платить госпошлину как наследник. В данном примере утрата $\frac{1}{2}$ части дома пережившим супругом очевидна, так как он исключен завещанием жены из круга наследников. Переживший же супруг действует в данном случае без всякого риска, так как малолетний сын отцу, как опекуну по закону, иска предъявлять не может. Этого бы не произошло, если в данном случае дом был бы зарегистрирован на имя матери — умершей супруги. У нас, к сожалению, нет статистических данных о том, как часто подопечные (несовершеннолетние дети) пользуются предоставленным им ст. 161 КоБС ЭССР правом обжаловать действия опекуна или попечителя в органы опеки и попечительства по месту жительства подопечного, но на основании изучения гражданских дел народных судов города Тарту и Тартуского района, а также практики судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР с 1965 года мы должны констатировать, что в течение этого времени исков, предъявленных для защиты наследственных прав несовершеннолетних по инициативе органов опеки и попечительства или прокуратуры, в практике указанных судов не было, а это означает, что несовершеннолетние дети так и остались фактически лишенными права получить доли из наследственного имущества после смерти отца или матери.

14. В чем же дело? Как найти выход из создавшегося положения?

Можно согласиться с тем, что субъективное право общей совместной собственности как относительное право прекращается со смертью одного из супругов, так как право общей

совместной собственности (совокупность норм права) регулирует только специфические общественные отношения между супругами по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом, приобретенным ими во время брака. Но со смертью одного из супругов не прекращается правоотношение личной собственности. Объектом указанного правоотношения и после смерти одного из супругов является общее имущество, а управомоченными субъектами — как переживший, так и умерший супруг. Должна произойти перемена лиц в субъектном составе правоотношения личной собственности. На место умершего супруга как участника правоотношения должно вступить другое лицо. А это может произойти только в порядке наследственного правопреемства в соответствии с нормами наследственного права.¹⁹ Следовательно, в качестве нового субъекта правоотношения могут выступать только наследники умершего, в том числе и переживший супруг, если он изъявляет желание принять наследство и если он не лишен завещанием умершего супруга права наследования. Поэтому бесосновательно полагать, что нормы наследственного права в случае смерти супруга, на имя которого общее совместное имущество не зарегистрировано, на оставшееся общее совместное имущество супругов, зарегистрированное на имя пережившего супруга, как будто бы не распространяются. Переживший супруг, включая и случай, когда он оказывается единственным наследником имущества своего умершего супруга, как и всякий иной наследник, и равно как и переживший супруг в случае, когда общее совместное имущество зарегистрировано на имя умершего супруга, должен оформить себя наследником, если он хочет получить долю из общего имущества после смерти другого супруга. Если права супругов на общее совместное имущество равны, независимо от регистрации этого имущества на имя того или другого супруга, то должны быть признаны равными и права наследников того или другого супруга в случае смерти того или другого из них. Наследникам обоих супругов должна быть предоставлена в случае отсутствия спора равная возможность осуществить свои права наследования через нотариальную контору. При теперешнем же положении дел этой возможностью могут пользоваться только наследники того супруга, на имя которого зарегистрировано совместное имущество. Наследники же супруга, на имя которого общее совместное имущество не зарегистрировано, при отсутствии соответствующего заявления пережившего

---

¹⁹ Вопросы правопреемства всесторонне разработаны Б. В. Черепаниным в монографии «Правопреемство по советскому гражданскому праву». М., 1962.

супруга, на имя которого общее совместное имущество зарегистрировано, вообще не могут осуществить своих субъективных прав наследования. Совершеннолетние дети, родители и иждивенцы могут обратиться в суд и добиваться защиты своих якобы нарушенных прав наследования, а несовершеннолетние дети умершего даже таким правом не располагают.

2) Следует согласиться и с общепризнанным положением о том, что усовершенствование действующего законодательства всегда приводит к более точному и обоснованному урегулированию тех или иных общественных отношений. С этой точки зрения желательно:

а) отредактировать содержание ст. 23 КоБС ЭССР так, чтобы она содержала указание на возможность раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, не только в связи с расторжением брака или во время брака, а также в случае смерти одного из супругов. Надо прямо записать в кодексе о браке и семье или в ином законодательном акте, что в случае смерти одного из супругов такого раздела могут требовать как переживший супруг, так и другие наследники умершего супруга. В этом духе надо отредактировать и часть 2 статьи 43 закона Эстонской ССР «О государственном нотариате», как до некоторой степени не соответствующую смыслу частям 1, 2 и 3 статьи 12 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» и не обеспечивающую в полном объеме равные права владения, пользования и распоряжения общим совместным имуществом супругов. Предложенные изменения закона помогли бы нотариальным органам правильно разрешать вопрос о выдаче свидетельства о праве на наследство наследникам умершего супруга, на имя которого имущество не было зарегистрировано, независимо от воли пережившего супруга, на имя которого общее совместное имущество зарегистрировано, и принудили бы также пережившего супруга на оформление себя наследником умершего супруга и в случае, когда все общее совместное имущество зарегистрировано на его имя.

б) Записать в ст. 149 КоБС ЭССР, в которой среди других обязанностей говорится и об обязанности опекуна или попечителя защищать права несовершеннолетнего, прямо, что в случаях, когда опекун или попечитель по каким-то причинам не может исполнить лежащих на нем обязанностей, он обязан заблаговременно сообщить об этом органам опеки и попечительства;

в) дополнить в пункте 64 «Положения о нотариате Эстонской ССР» первое предложение словами: «**независимо от того, на имя какого супруга это имущество зарегистрировано**». Хотя это предложение приводит к известному повторению уже и

так ясно сказанного, но без внесения такого дополнения сложившуюся нотариальную практику изменить невозможно;

г) в «Правилах комиссионной торговли легковыми автомобилями и тяжелыми мотоциклами с колясками, принадлежащими индивидуальным владельцам», надо прямо предусмотреть, что продажа автомобилей и мотоциклов, являющихся общей совместной собственностью супругов, должна производиться только с письменного согласия другого супруга.

3) В принципе можно согласиться и с предложением работников-практиков, что подлежащее регистрации имущество, являющееся общей совместной собственностью супругов, надо регистрировать, на имя обоих супругов **без указания долей в общем имуществе** и соответственно изменить действующее законодательство о регистрации имущества граждан. Это, действительно, устранило бы неравное правовое положение супругов, возникающее в практике из-за регистрации общего совместного имущества супругов на имя одного из них. Однако, с нашей точки зрения, нет особой необходимости в изменении законодательства о регистрации имущества. Это осложнило бы супругам распоряжение общим имуществом. Кроме того, принятие этого предложения привело бы к изменению множества норм многих отраслей права. Каждый гражданин и каждая гражданка, состоящие в браке, могут в любой момент документально доказать, что имущество приобретено во время брака, что оно является их общей совместной собственностью. Для этого нужно предъявить только паспорт (или свидетельство о браке), в котором указано, с кем состоит данный гражданин в браке и когда брак был зарегистрирован. Только в случае особой надобности нужно документально доказывать время приобретения права собственности на имущество. Так, например, органы Госавтоинспекции в Эстонской ССР не требуют от супруга, на имя которого автомашина не зарегистрирована, в случае пользования этой автомашиной предъявления нотариально удостоверенной доверенности, так как они считают автомашину, приобретенную во время брака, общей совместной собственностью обоих супругов, хотя она и зарегистрирована на имя одного из них. Кроме обычно предъявляемых документов (удостоверения шофера, технического паспорта автомотомашины), от супруга, на имя которого автомашина не зарегистрирована, требуется предъявление паспорта или свидетельства о браке, из которого видно, что водитель автомашины состоит в зарегистрированном браке с гражданином, на имя которого выдан технического паспорта автомотомашины.

4) Наконец, ожидается и изменение практики применения некоторых норм действующего семейного законодательства,

регулирующих распоряжение общим имуществом супругов. При этом надо во всех случаях иметь в виду ст. 12 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» (ст. 20 КоБС ЭССР), прямо устанавливающую, что супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения имуществом, нажитым ими во время брака. Уже дух и смысл этой статьи никак не позволяют заключить, что регистрация общего совместного имущества (дома, автомобиля) на имя одного из супругов, умаляет в какой-то степени права другого супруга на это имущество.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ НЕЙТРАЛИТЕТА В ИСТОРИИ ЭСТОНИИ (XIII—XVIII вв.)

Ю. А. Егоров

Нейтралитет, в современном его понимании, представляет собой правовой институт сравнительно недавнего происхождения, сложившийся только к началу, а в морской войне даже в середине XIX столетия.¹

До этого в эпоху феодализма понятие нейтралитета было неустойчиво, неопределенно как в теории, так и в практике. В XV столетии слово «нейтралитет» становится частым явлением в договорах и других государственных документах.² В этот период из международной практики стали вытесняться прежде употреблявшиеся названия: *stille sitzen*, *geruwet sitzen* — XIV—XV вв.; *Unpartyschung* — XV—XVI вв.³ Хотя в XV столетии и начинается употребление слова «нейтралитет», однако в применении этого термина не было постоянства.⁴ Так, Г. Гроций называет нейтралов «*medii in belle*», Бейнкерсгук «*non hostes*».⁵ В XV веке пользовались еще термином «*in neutralitate posita*».⁶ По содержанию института в средние века обычно нейтралитет понимали как предоставление обоим воюющим в государстве, не участвующим в войне, одинаковых прав и возможностей. На этом основании допускался проход воюющих армий через нейтральную территорию (*passage inoffensif*), если только он происходил мирно (безвредно — «*sans commettre mal*»), а отказ в пропуске — как оскорбление,

¹ См. Ю. Егоров. К истории нейтралитета Швеции. — «Советское государство и право», 1959, № 9, с. 72; J. Jegorov. Neutraliteedi osa rahvaste võitluses rahu ja sõltumatus eest. Tallinn, 1958, lk. 11—13, 29—30.

² Ph. C. Jessup. Neutrality — Its History, Economics and Law. Vol. I. The Origins. New-York, 1935, p. 20.

³ См. В. Грабарь. Нейтралитет — «Энциклопедический словарь» в издании Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, кн. 40, СПб., 1897, с. 849; А. Уусталь. Предисловие. Первоначальное значение римского термина *ius gentium*. Из научного наследия проф. В. Э. Грабаря. — Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 148. Тарту, 1964, с. 3—4.

⁴ E. Nys. Le droit international, 2 me ed., 3 vols., Bruxelles, 1912, p. 536.

⁵ Г. Гроций. О праве войны. М., 1967, стр. 752—753 и др. E. Nys op. cit., p. 536.

⁶ M. de Mauldela Clavière. La diplomatie an temps de Machiavel. Tome I, Paris, 1892, p. 202, note 2.

как вполне законный *casus belli*. Существование этого «безвредного прохода» («*transitus innoxius*») было вызвано тем, что владения феодала очень часто состояли из нескольких частей, разделенных чужою территорией. Так, например, в средневековой Эстонии (в Ливонии) у Ливонского ордена, помимо сплошных территорий, были еще мелкие владения на епископских землях, а у епископов т. н. внешние владения на территории Ордена.⁷ Феодалы-властители Ливонии — крупные сеньеры или ландесгерры (тартуский епископ, сааре-ляэньский епископ, магистр Ордена и датский король) отдавали часть земель в лен своим вассалам.

В условиях такой «чересполосицы» феодалу необходимо было иметь право «безвредного прохода» с оружием в руках для обеспечения защиты всех частей своих владений. История Ливонии была беспредельно богата феодалными войнами (*feedi*).⁸

В условиях постоянных феодалных войн (столкновение феодалных властей между собой) очень важно было соглашение о признании купцов, ездивших с товарами, нейтральными лицами, которым представляется «путь чист» через воюющие между собой земли.

Договоры и практика Прибалтики X—XIII вв. неоднократно устанавливали свободу плавания по крупным рекам и вдоль берегов.⁹ С XIII столетия, когда почти вся русская бал-

⁷ О иерархической структуре землевладения в XIII в. в Ливонии. См. Э. Тарвель. Фольварк, пан и подданный. Таллин, 1964, с. 28 и сл.; J. J e g o r o v. Ühiskondlik-poliiitiline kord ja õigus Eestis XIII—XVI sajandil. Tartu 1960, lk. 5—10, 17—28.

⁸ См. L. Leesment. Süütegu ja karistus Vana-Liivimaal. — Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 291, Kriminoloogia-alaseid töid. Tartu, 1972, lk. 94; H. K r u u s. Koos oma rahva ajalooa Suures Isamaasõjas. Tallinn, 1971, lk. 54; V. K a l n i n š. Valsts un tiesibu vēsture, I. Rīga, 1972, lpp. 79—83.

⁹ См. История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941, с. 123; В. В. Павулан. Развитие внутренних и транзитных путей сообщения Латвии в XIII—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Рига, 1965, с. 10 и др.; В. Дорошенко. Проблемы истории рижской торговли XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции (14—17 марта 1972 г.). Тарту, 1972, с. 201—202; В. Е. Калнынь. Государственный строй и право на территории Латвии в эпоху феодализма и в период становления капитализма (XI—XIX вв.). Рукопись докт. дисс. Рига, 1972, с. 19, 67—71; В. С. Покровский. Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189—1195 гг. как памятник международного права. — «Правоведение», 1959, № 1; Sveriges traktater med främmande magter. I (822—1335). Stockholm, 1877, s. 519—522; A. S ü v a l e p. Muinas Tallinn ja eestlaste väliskaubandus enne iseseisvuse kaotamist. — Vana Tallinn. III köide. Toimet. P. Johansen, R. Kenkmaa, H. Peets, Tallinn, 1938, lk. 48 j. A. U u s t a l. Rahvusvahelise õiguse ajalugu, Tartu, 1965, lk. 19.

тийская торговля проходила через посредство ганзейских купцов гг. Любека, Таллина и Риги, эти принципы сохранялись.¹⁰

Принцип свободы плавания применялся и в более ранний период в торговых взаимоотношениях г. Висби с прибалтийскими и русскими городами. Общеизвестно, что Висбийское морское право было «издревне на севере в таком уважении, как Родоское в Греции».¹¹ Эти принципы соблюдались новгородскими и скандинавскими торговцами, создававшими в Таллине свои торговые дворы. Таллин — центр древней эстонской земли Рявала — был еще в XI—XII веках центром торговли и ремесленного производства и важной гаванью на пересечении многих торговых путей, в том числе и на большом, пролежавшем через Финский залив морском торговом пути, который известен в истории как «Путь из варяг в греки и из Грек по Днепру».¹² Еще в XI—XII вв. в Таллине существовало т. н. рыночное право (нем. Marktfreiheit, эст. turukoahõigus). Висбийское городское право действовало в городах Прибалтики (Рига, Таллин).¹³ Висбийское городское право оказало

¹⁰ См. И. Шаскольский. Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. — Скандинавский сборник, X. Таллин, 1965, с. 83; А. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV—XV вв. М., 1958; О. Березков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV столетия. СПб., 1879; Н. Казакова, И. Шаскольский. Русь и Прибалтика IX—XVII вв. Л., 1945.

¹¹ Олоф Далин. История шведского государства. Часть 1, книга 1, СПб., 1805, с. 317; О Висбийском праве см. БСЭ, второе изд. Т. 8, с. 160; Л. Опенгейм. Международное право. Т. 1, Полутом 1. М., 1948, с. 93; Eek Hilding. Kring källorna till Gotlands medeltid sjörätt. Stockholm, 1936; G. Hasselberg. Studier rörande Visby stadslag och dess källar. Uppsala, 1953; E. Gastren. The Present Law of War and Neutrality. — Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. Tom 85. Helsinki, 1954, p. 545; R. Schröder Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 6 Auf. Berlin und Leipzig, 1922, S. 705; Andre Dalin. Svea rikets historia infrån dess begynnelse till våra tider. Andre Delen. Stockholm, 1750. s. 111—112.

¹² См. И. П. Шаскольский. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — Географический сборник, III. М., 1954, с. 146—159; Л. Тийк. О морских путях в Балтийском море и в Финском заливе в средние века. — АН ЭССР. Ежегодник Эстонского Географического общества. Таллин, 1957, с. 224—227; L. Tiik. Keskaegsest mereliiklusest Balti merel ja Soome lahel. — ENSV TA Eesti Geograafia Seltsi Aastaraamat 1957. Tallinn, 1957, lk. 207—224; История Эстонской ССР. Т. 1. Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961, с. 200. (В дальнейшем — История Эстонской ССР, 1.); А. Л. Хорошкевич. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 2, с. 104—117.

¹³ В. Калнынь. Общественно-политический строй и право народов Латвии и Эстонии. — История государства и права СССР. Часть 1. Отв. ред. К. А. Софроненко. М., 1967, с. 36; Eesti Entsüklopeedia, VII kd., Tartu, 1936, lk. 1367—1368; Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1408, оп. 4, ед. хр. 14913 л. 5.

влияние на формирование Любекского городского права, применяемого в дальнейшем в городе Таллине.¹⁴

Вполне понятно, что при нормальном использовании путей сообщения обеспечивалась безопасность пути как по воде, так и по суше.¹⁵ На Балтийском море и на больших реках Прибалтики шла борьба за береговое право. Хотя Ливонский орден и Рижский архиепископ формально отказались от берегового права уже в XIII в., однако фактически возможность пожить за счет потерпевших аварию была весьма заманчивой.¹⁶ И «береговое право» сохранялось в Прибалтике еще и в XIX столетии.¹⁷

Море, Чудское и Псковское озера были предоставлены в «свободное пользование». Когда в 1558—1581 гг. Нарва находилась под русским владычеством, то Иван Грозный даровал нарвским и иностранным купцам в городе Нарве ряд привилегий. В XVI в. г. Нарва превратился в важный международный порт, куда приходили корабли из Англии, Дании, Франции, Голландии и других государств. Город Нарва в XVI столетии служил для России важным звеном в установлении прямых экономических связей с западно-европейскими странами.¹⁸

---

¹⁴ King, Wilson. *Chronicles of three free cities Hamburg, Bremen, Lübeck*, London 1914, pp. 325—326, 314, 343; Eek Hilding, *op. cit.* В 1248 году датский король утвердил городское право г. Таллина. См. O. Greiffenhagen Skandinaavia vahekord Tallinnaga ja Eestimaaga 13. ja 14. aastasajal. — Tallinna 700-aastase juubelipiduks 1219—1919. Tallinn, (1919), lk. 17; F. G. Bunge Die Quellen des Revaler Stadtrechts. Bd. I—II. Dorpat, 1844—1847; H. Sielmann. Die Verfassung der Stadt Reval bis zur endgültigen Beseitigung des Rats im Jahre 1889 unter besonderer Berücksichtigung nationalpolitischer Gesichtspunkte. Würzburg, 1935.

¹⁵ О совместной борьбе с пиратами и неоказанием им помощи см. коммерческие трактаты и особые договоры. См. Hansisches Urkundebuch (Sartorius) *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse*. Band II. Hamburg, 1830, Nr. 154; договор 1344 г. между шведским королем и ганзейскими городами и др.).

¹⁶ См. В. В. Павулан, указ. работа с. 36; S. Vahtre. Põllumajandus ja agraarsuhted Eestis XIII ja XIV sajandil, Tartu, 1966, lk. 44; V. Niitemaa. Das Strandrecht in Nordeuropa in Mittelalter. Helsinki, 1955; Словарь юридических и государственных наук. Под ред. А. Ф. Волкова. СПб., 1901, с. 858.

¹⁷ Manaseina revizija. Redegejis A. Druzilis. Riga, 1949, lp. 227—230; O. Russwurm. Ueber des Strandrecht in den Ostseeprovinzen. — Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. X. Riga, 1861, S. 17—22; «Seadus ja Kohus», 1909, Nr. 7—8, lk. 89—93.

¹⁸ См. Скандинавский сборник, IX. Таллин, 1966, с. 82 и сл., II. Таллин, 1957, с. 44 и сл.; J. Schildhauer. Zum Handel der Seestädte des südöstlichen Küstengebietes der Ostsee in der Zeit des Beginns des Kampfes um das Dominium maris Baltici. — Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции (14—17 марта 1972 г.). Тарту, 1972, с. 36.

В эпоху феодализма нормы нейтралитета на море возникли раньше, чем правовые нормы нейтралитета на суше.¹⁹

Принцип вооруженного нейтралитета, который был выдвинут еще Великим Новгородом в договорах с Ганзой (XIII—XIV вв.) нашел и в дальнейшем свое положительное применение во взаимоотношениях стран, прилегающих к Балтийскому морю.²⁰ Уважению прав нейтральных способствовало и то обстоятельство, что помимо вольного города Новгород Великий в Ливонии возникают городские республики — свободные (вольные) города.²¹ Их возникновение стало возможным в частности потому, что в XVI столетии Рижский и Таллинский магистраты располагали значительной верховной властью в городе, в условиях своеобразного комплекса феодальных государств Ливонии и в условиях борьбы Швеции, Польши, Дании и России за господство в Прибалтике.²²

В XVI столетии Рига и Таллин периодически заимели статус вольного города²³ и были на положении нейтралитета.

Об относительно независимом положении гг. Риги и Таллина в последующий период говорит и тот факт, что они были по-прежнему довольно тесно связаны с вольными ганзеатическими городами.²⁴ Положительное влияние в отношении признания принципов нейтралитета оказал на ганзеатические города Вестфальский мир 1648 г.²⁵ Последний признавал за вольными городами права в области внешних сношений (право объявлять войну, объявлять себя нейтральным, заключать мир, вступать в союзы). Поскольку вступление в союзы ограничивалось тем, что союзы не должны были быть направлены

---

¹⁹ В. Лешков. Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли. М., 1841 с. 16.

²⁰ См. Скандинавский сборник, IV. Таллин, 1959, с. 143.

²¹ К. Маркс. Хронологические выписки. — Архив Маркса-Энгельса. Т. V. б. м. 1938, с. 341—342; К. Ландер. Город и городское самоуправление в Прибалтийском крае в первой половине XIX века. — История России в XIX веке. № 4. Изд. А. И. Гранат, б. м., б. г., с. 29, 30.

²² См. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, с. 22; Ziedonis Ligers. Geschichte der Baltischen Städte. Von ihren Anfängen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bern 1948, S. 69.

²³ Ю. Егоров. К истории вольного города. Уч. зап. Тартуского государственного университета, вып. 272. Труды по правоведению XIII. Тарту, 1971, с. 128—129; Р. Пуллат, Ю. Селиранд. Таллин. Таллин, 1965, с. 7—8.

²⁴ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 147. Пг., 1915, с. 257—270; Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (в дальнейшем — ЦГИА ЭССР), ф. 29, оп. 2, ед. хр. 92, лл. 4, 7, 11, 20, 79, 80; История государства и права СССР. Часть 1. Отв. ред. К. А. Софроненко. М., 1967, с. 445, 449 456.

²⁵ K. Strupp. Documents pour servir à l'histoire du droit des gens. 2-édition, considérablement augmentée, des «Urkunden zur Geschichte des Völkerrechts», I. Berlin, 1923. S. 14—20.

против империи (т. е. т. н. Священной Римской империи германской нации) и ее членов, то это опять указывает на признание принципов нейтралитета.

Военные столкновения небалтийских государств выдвинули перед народами побережья Балтийского моря необходимость тесного сотрудничества во имя обеспечения мира и безопасности своих стран. Первые попытки подобного сотрудничества относятся к концу XVII века. Когда в 1688 году между Англией и Нидерландами с одной стороны, и Францией с другой стороны вспыхнула морская война, два крупнейшие в то время балтийские государства — Швеция и Дания — объединили свои силы против произвола воюющих. В союзном договоре от 1 февраля 1690 г. Швеция и Дания договорились относительно снабжения конвоев, которые защищали бы их торговые суда. Таким образом обеспечивались интересы мореплавания нейтрального. А в договоре от 10 марта 1691 года предусматривалось тесное сотрудничество шведского и датского правительства в деле защиты их торговли и мореплавания как стран, не участвующих в войне.²⁶ В дальнейшем договор 1691 года был в 1693 году дополнен некоторыми новыми постановлениями.²⁷ Договор от 12 июля 1756 года между Швецией и Данией также предусматривал взаимные мероприятия нейтрального в деле охраны интересов торговли и мореплавания в происходящей войне и предусматривал их нейтралитет.²⁸ Однако и этот договор вскоре теряет свое значение, т. к. в 1757 году Швеция совместно с ее заморскими колониальными владениями в Прибалтике была втянута в войну.

Вопрос о нейтрализации Балтийского моря в случае войны с государствами, берега которых не омываются этим морем, уже возбуждался с половины 18-го столетия.²⁹ Первый шаг в этом смысле был сделан в 1759 году Россией и Швецией, которые договорами обязывались смотреть на Балтийское море, как на место, изъятое от военных действий.³⁰ В следующем году к этому договору присоединилась Дания.

Присоединение Эстонии к Российской империи в 18 столетии создало благоприятные условия для сохранения дли-

²⁶ Torsten Gihl. Studier i internationell rätt. Stockholm, 1955, s. 149.

²⁷ См. J. Du Mont. Corps universel diplomatique. VII Partie II. Amsterdam, MDCCXXI. p. 325—327.

²⁸ Torsten Gihl, op. cit., s. 151.

²⁹ Oppenheim L. International Law. Vol. II Desputes, War and Neutrality. Sixth Edition. Revised, edited by H. Lauterpacht. London, New-York, Toronto. 1944, pp. 195—196; «Oigus», 1935, Nr. 1, lk. 36.

³⁰ Ф. Перельс. Современное морское международное право. Часть вторая. Состояние войны. СПб., 1884, с. 23 и др.

тельного мира для эстонского народа, территория которого до этого в продолжении многих веков являлась ареной кровопролитных войн между соседними державами.³¹ В составе Русского государства — крупнейшей и в военном отношении сильнейшей империи Европы — эстонский народ совместно с латышским и другими народами обрел на два столетия мир — самую необходимую предпосылку для дальнейшего развития экономики и культуры.³² Экономическое включение Прибалтики во всероссийский рынок способствовало более быстрому разложению феодально-крепостного строя и роста в Прибалтике всех элементов капиталистического общества.

Тесные связи со всероссийским рынком послужили внешней предпосылкой для возникновения и развития промышленности в городах Прибалтики. Для России Прибалтика не являлась отсталой заморской колонией, а находилась в выгодном экономическом положении. Положительно сказался на экономическом развитии прилегающих к Балтийскому морю стран и городов, в том числе и Таллина, Вооруженный нейтралитет России 1780 года.³³

Вооруженный нейтралитет 1780 года представлял собою систему союзных договоров (1780—1783) между Россией, с одной стороны, Данией (9 июля 1780), Швецией (1 августа 1780), и другими государствами, с другой. В основу договоров были положены принципы, изложенные в декларации России от 28 февраля (11 марта) 1780 г.³⁴

В изданной Россией Декларации вооруженного нейтралитета 28 февраля 1780 г. были заложены основы для определения положения в морской войне неприятельской и нейтральной собственности и закреплено право конвоя.

Постепенно принципы декларации России от 28 февраля

³¹ См. В. Маамяги, А. Вассар. 250-летие присоединения Эстонии к России. — «Коммунист Эстонии», 1960, № 9, с. 22—31; В. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, с. 15—22.

³² См. Я. Зутис. Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии. — «Исторический журнал», 1940, № 11, с. 60—70; Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Toimet. A. Vassar. Tallinn, 1960, lk. 10, 249 j. t.

³³ См. Ф. Кожевников. Русское государство и международное право. М., 1947, с. 271 и сл.; Международное право. Под ред. В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова. М., 1947, с. 56; Ф. Перельс, указ. работа, с. 168 и сл.; A. Uustal, op. cit., lk. 28—29.

³⁴ См. документацию о вооруженном нейтралитете 1780 и 1800 гг. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II, VI, IX, X. СПб., 1875—1892; «Морской сборник», 1859, № 9—12; Ф. Перельс, указ. работа, приложение IV, V. C. Zachrisson. Sveriges underhandlinger om bevärpad neutralitet åren 1778—1780, Uppsala, 1863, Bilago E., Gastren. op. cit., 18—19.

1780 г. превратились в общепризнанные нормы международного права.

В 1800 году опять по инициативе России был образован очередной, т. н. второй вооруженный нейтралитет для защиты нейтральной морской торговли. Согласно специальным статьям соглашения 1800 года Балтийское море было вновь, также как и в 1780 году, объявлено закрытым морем, в котором военные действия воюющих были запрещены. Вновь была обеспечена безопасность торговли нейтральных стран во время войны.³⁵

Благодаря Вооруженному нейтралитету в Таллинском порту значительно увеличился ввоз. Этому немало способствовал и торговый договор о ввозе соли, заключенный Россией и Португалией — участниками Вооруженного нейтралитета.³⁶ Вырос также ввоз хлопчатобумажных изделий через Таллинский порт³⁷, увеличился экспорт.³⁸ Успешно действовала Особая контора для взимания сбора с проходящих и отходящих судов (состояла из членов магистрата и гильдии г. Таллина).³⁹ Таллин получал листовые деньги (корабельный сбор) с судов и процентный сбор с привозимых и вывозимых товаров. Источником доходов города были и т. н. оброчные статьи и налоги на недвижимую собственность, торговлю и промыслы.⁴⁰

Что касается развития норм нейтралитета на суше, то еще в условиях конфедеративной Ливонии (XIII—XVI вв.) мы встречаем нейтралитет в различных условиях. Известно, что в условиях феодальной иерархии бесспорным было право сюзерена на вмешательство в дела своих вассалов.⁴¹ Феодальная междоусобица препятствовала закреплению принципа

³⁵ См. И. Грасмане. Права и роль иноземных купцов в рижской экспортной торговле в XVIII веке и в первой четверти XIX века (на латышском языке). — Известия АН Латвийской ССР, 1970, № 8 (277), с. 52—63.

³⁶ Договор был подписан в конце 1787 г. Португалия присоединилась к Вооруженному нейтралитету 13 июля 1782 г. Таблицу о внешней торговле Таллина в конце 18 века см. История Эстонской ССР. 1., с. 653—654.

³⁷ В 1788 г. на 150 000 рублей и в 1893 г. на 503 000 рублей, т. е. рост (удельный вес х/б изделий) с 20% до 34%. О. Карма. Tööstuslikult revolutsioonilt sotsialistlikule revolutsioonile Eestis. Tallinn, 1963, lk. 487, 53; См. также: R. Pullat. Eesti linnad ja linnalised XVIII sajandi lõpust 1917. aastani. Tallinn, 1972, lk. 16, 25.

³⁸ См. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Изд. второе. Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1964, с. 434—435, 505; S. Nõmmik. Eesti NSV territooriumi geograafilise asend ja administratiiv-territoriaalne jaotus. Tartu, 1961, lk. 11 j. t.

³⁹ См. ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 2, ед. хр. 5499, л. 114.

⁴⁰ См. История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года. Составитель Р. Пуллат. Таллин, 1972, с. 72.

⁴¹ A. Uustal. Rahvusvaheline õigus, I osa. Tartu, 1963, lk. 76; H. Triepel. Völkerrecht und Landrecht. Leipzig, 1899. S. 165.

невмешательства, ибо «...воюющие никогда не признавали беспристрастия со стороны других государств.»⁴² В дальнейшем, когда из практики вытесняются названия *stillesitzen*, *gegüwet sitzen* и в 15 столетии применяется слово нейтралитет, под последним, однако, понимается предоставление обоим воюющим в государстве, не участвующим в войне, одинаковых прав и возможностей. На этом основании в конфедеративной Ливонии допускался проход воюющих войск через нейтральную территорию.

Параллельно со стремлением крупных феодалов сохранять нейтралитет в тех конфликтах, которые их прямо не затрагивали (несмотря на свои связи с теми или другими из воюющих), та же тенденция появляется и во внутренней жизни феодальных государств (полугосударств) Ливонии. Это проявлялось в «нейтралитете» мелких вассалов по отношению к их сюзерену. Обыкновенно сроком обязательной службы вассала по призыву своего сюзерена было только сорок дней.⁴³ По их истечении вассал мог вернуться домой, т. е. оставаться нейтральным.

Мы видим следы такого нейтралитета, т. е. права не участвовать, в известных случаях, в войне сюзерена, в ленном праве Ливонии, где мы встречаем ограничение ленной службы не только во времени, но и по месту (в пределах определенного округа). Некоторые сборники ленного права Ливонии говорят об обязанности вассала помогать сюзерену лишь внутри данного округа, прямо признавая за ним право не являться с вооруженной помощью к сюзерену в случае военных предприятий последнего за границами данной территории (округа). Другими словами: устанавливали право вассала оставаться нейтральным при наступательной войне сюзерена.⁴⁴ Постановления такого рода мы находим, например, в т. н. Древнем лифляндском рыцарском праве (*Das älteste livländische Ritterrecht*) приблизительно начала XIV века — в его

---

⁴² L. Oppenheim. *International Law*. Vol. II. Second Edition. London, 1912, p. 347.

⁴³ История государства и права зарубежных стран. Т. 1. Под общей ред. П. Н. Галанца. М., 1963, с. 315. Н. Hallam. *View of the State of Europe during the Middle Ages*, Volumes I. London, 1855, p. 171; R. Schröder, *op. cit.*, S. 429; A. Transehe-Roseneck. *Zur Geschichte des Lehnwesens in Livland*. Theil I. *Mas Mannlehen*. Gedruckt auf Verügen des Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Riga, 1903; H. Ligi. *Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni*. Tallinn, 1968, lk. 17 j. j.; S. Vahtre, *op. cit.*, lk. 85—86, 82—83 j. t.

⁴⁴ См. Н. Hallam, *op. cit.*, p. 172.

статье 2: «De guden manne sint ok plichtich dem bischop denstes binnen landes unde buten Landes nicht.»⁴⁵

В 1430 году ливонский магистр извещает великого магистра прусского (Hochmeister), что в случае войны ордена с архиепископом рижским епископ тартуский (дерптский) решил остаться нейтральным — «*stille sitzen*».⁴⁶

Таким образом, в известных случаях отдельные мелкие ленники имели возможность сохранить свой нейтралитет, несмотря на войну их сюзерена.⁴⁷

Нейтралитет XIII—XVIII веков носил своеобразный характер, малопонятный с точки зрения современных понятий.⁴⁸ Только к началу XIX столетия оформляется правовое положение нейтрального государства, как государства, не участвующего в войне.

Нейтралитет стал в XIX столетии институтом международного права.⁴⁹ Получил общее признание так называемый вечный, или точнее, постоянный нейтралитет. 28 июля 1914 г. был издан указ, установивший правила, которыми Россия руководствовалась во время войны. Этим указом предписывалось соблюдать постановления международных договоров о поведении воюющих государств, а также о правах и обязанностях нейтральных государств.⁵⁰ Несмотря на общее признание

⁴⁵ F. G. Bunge. *Altlivlands Rechtbücher*. Leipzig, 1879, S. 72.

⁴⁶ F. G. Bunge. *Liv-, Esth- und Gurländisches Urkundenbuch*. Bd. 8. Riga—Moskau, 1884, Nr. 386. («... hetten wir was begunth mit dem stichte von Rige, do wolde der here bisshoff von Dorpte mit den sienen haben stille zu gesessen»).

⁴⁷ М. Таубе. Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков. Харьков, 1899, с. 357—358.

⁴⁸ См. Б. Э. Нольде. Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905, с. 55 и сл.; В. Грабарь. Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву. — Известия АН СССР (отделение права и экономики). 1946, № 1; Г. Гроций, указ. работа, с. 752—753; Ю. Лукьянов. Очерк развития понятия о нейтралитете до XIX столетия. — «Журнал министерства юстиции», 1913, № 7, с. 92—126.

⁴⁹ См. Е. Коровин. Французская буржуазная революция и законы и обычаи войны. — Сборник статей, посвященных 150-летию Французской революции. М., 1940, с. 145 и др.; Е. Коровин. Краткий курс международного права. Часть II. Право войны. Изд. Военно-Юридической академии РККА. М., 1941, с. 105; Л. Оппенгейм. Международное право. Т. 1, полутом 1. Перевод с 6-го английского издания (дополненного) Г. Лаутерпахтом. М., 1948, параграф 95 и сл.; A. Uustal. *Rahvusvaheline õigus*, II, Tartu, 1964, lk. 60, J. Jegorov — Riigi ja õiguse ajalugu, II, Tartu, 1961, lk. 22—23

⁵⁰ См. С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1961, с. 613—614.

понятия «нейтралитет», в дальнейшем эстонская буржуазия пыталась извращать понятие нейтралитета.⁵¹

Вопрос о внешней функции государства, имеющий важное значение, излагается многими авторами в рамках курса истории государства и права в очень сокращенном виде.

Такая недооценка внешней функции государства ничем не оправдана.

Внешняя функция является органической частью деятельности государства и её нужно освещать во всех разделах курса истории государства и права.⁵²

---

⁵¹ См. P. Vihalem. Eesti kodanluse üleminek saksa fašismi teenistusse. Tartu, 1963, lk. 25, 53 j. t.; Ю. Егоров. «Балтийская Антанта» — орудие империалистической политики в Прибалтике (1934—1940 гг.). — Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 44. Труды юридического факультета. Таллин, 1956, стр. 50.

⁵² См. Вестник Московского университета. Серия IX. Праго. 1963, № 4, с. 93—94.

ГОРОДСКОЕ ПРАВО ГОРОДА НАРВЫ

Ю. А. Егоров

Возникновение и развитие города Нарвы и его городского права было всегда тесно связано с выгодным географическим положением.¹ В XIII столетии на берегу реки Нарва образовалось городское поселение.² В XIII столетии возник город Нарва, заимевший в XIV столетии городское право.³ Магистрат заведывал городскими приходскими и расходами, контролировал руководство всей жизнью городской общины. Магистрат был также высшей судебной инстанцией в городе. В условиях, когда датские владения в северной Эстонии (назывались Эстляндским герцогством) были довольно независимы в отношении власти короля, городской магистрат города Нарвы имел довольно значительную самостоятельность.⁴ В 1347 г. датский король Вальдемар III передал часть Эстонии вместе с г. Нарвой гохмейстеру Тевтонского ордена, затем город перешел под власть Ливонского ордена.⁵ В 1374 г. были утверждены привилегии города Нарвы.⁶ Городское право дало преимуществу городской верхушке. Право магистрата самовольно распоряжаться городскими средствами, которое часто использовалось в корыстных целях, оспаривалось гильдиями. Приня-

¹ Е. Кривошеев, К. Михайлов. Нарва. Таллин, «Ээсти раамат», 1967, с. 3 и др.

² История Эстонской ССР. Т. 1. Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961, с. 202 (в дальнейшем — История Эстонской ССР. I).

³ В 1345 году датский король предоставил Нарве городское право. См. Е. Кривошеев, К. Михайлов. Указ. работа, с. 6 и сл.; Э. Дикгоф. Краткие исторические сведения о гор. Нарве. Нарва, 1925, с. 25; Н. Hansen Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 11—13; A. Schulbach Daaniaegne Narva. Narva, 1931, lk. 30—32; История Эстонской ССР. I, с. 204.

⁴ H. Siiman. Mõnda administratiivsest korraldusest Eestimaal Daania valitsuse ajal. — «Eesti Politseileht», 1924, Nr. 35 (143), 12. IX lk. 570 j. t. Е. Чешихин. История Ливонии с древнейших времен. Том II. Рига, 1885, с. 290 и сл.; «Põhja kodu», 1931, 29. IX, 6. X, 10. X, 13. X, 17. X, 20. X, 24. X, 27. X, 31. X.

⁵ См. А. В. Петров. Город Нарва. СПб., 1901, с. 32.

⁶ См. Eesti NSV ajaloo lugemik. I köide. Tallinn, 1960, lk. 92—94.

тие в гражданство города Нарва полностью зависело от магистрата, решение которого не подлежало апелляции. Граждане города имели преимущественное право на владение в городе недвижимым имуществом.

Магистрат представлял интересы города вне городской черты. Правовое положение города Нарвы в Ливонии было довольно основательно регламентировано рядом правовых актов.⁷

В 1492 году во время перемирия между Россией и Ливонским орденом, по повелению великого князя Ивана III Васильевича, была построена крепость Ивангород (на правом берегу реки Нарва).

В Ливонии г. Нарва не был допущен в члены Ганзейского союза из-за противодействия других городов (Таллина), которые боялись, что Нарва ввиду выгодного положения (близость к Новгороду) сможет вытеснить другие города из торговли с русскими землями.⁸ Во время Ливонской войны (1558—1583 гг.) — около четверти столетия (1558—1582) — значительная часть южной Эстонии входила в состав Русского централизованного государства.⁹ Краткий период в составе русских владений была также часть северной Эстонии.¹⁰ В период 1569—1570 гг. Иван IV намеревался создать в Ливонии зависимое от Москвы вассальное королевство.¹¹ В этот сложный период истории Эстонии город Нарва в 1558—1581 гг. находился под русским владычеством и служил для России важным звеном в установлении прямых экономических связей с западно-европейскими странами; транзитная же торговля через Нарву значительно ущемляла интересы торговцев в Таллине, Риге и других городах.¹² Поэтому тогда вокруг т. н. «нарвского плавания» развернулась ожесточенная борьба, доходившая до военных столкновений.

В период русского господства (1558—1581 гг.) Иван Грозный даровал нарвским и иностранным купцам в г. Нарве разные

⁷ A. Süvalep. Narva ajalugu. Narva, 1936, lk. 255—300. H. Hansen, op. cit., S. 11—13.

⁸ О роли Нарвы в торговле с Россией. — «Linnad ja alevid», 1932, Nr. nr. 7 ja 8.

⁹ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1882, с. 15 и др.; Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962, с. 284.

¹⁰ Центральный Государственный исторический архив СССР (в дальнейшем — ЦГИАЛ), ф. 1016, оп. 1, ед. хр. 966, л. 27.

¹¹ См. «Магнус». — Б. С. Э. второе изд. Т. 26, с. 42; История дипломатии. Том первый. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941, с. 201—202.

¹² А. Л. Хорошкевич. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 2, с. 109.

привилегии. Город Нарва совместно с Ивангородом превратился в важный международный порт, куда приходили корабли из Дании, Англии, Голландии, Франции и других государств. «Иван IV, намереваясь превратить Нарву в центр русской торговли на Балтийском море, охотно предоставлял всем купцам льготные условия в области торговли, но политическая автономия города никогда на практике не признавалась русскими властями, хотя номинально и сохранялись прежние городские учреждения.»¹³ Увеличение торговых оборотов города Нарва было обусловлено, прежде всего, развитием русской транзитной торговли.¹⁴ В 1581 году город Нарва и Ивангород были захвачены Швецией. Городское управление города Нарва было теперь основано на привилегиях, дарованных городу королем Юханом III, грамоте 22. VII 1585 г. и на подтвердительных грамотах его преемников. Последние грамоты заложили основу такому управлению, которое было похоже на управление города Таллина (если не считать некоторые незначительные изменения, заимствованные из шведских городских законов).

Таким образом, в городе Нарве в 1585 году было официально введено шведское городское право (Stadslag).¹⁵

Тартуский, а в последствии Турусский (Абоский) гофрет (гофгерихт) являлись в судебных делах высшею инстанцией для нарвского магистрата.¹⁶

В 1617 г. Ивангород получил городское право.¹⁷

Несмотря на получение и подтверждение привилегий, шведские власти всячески препятствовали развитию торговли между Эстонией и Россией, что несомненно отрицательно сказалось на экономическом развитии города.¹⁸

В 1704 году Нарва и Ивангород вошли в состав русского государства в качестве особого уезда с отдельным управлением в городе Нарве. В 1704 г. было образовано «генерал-губернаторство Нарвское и всех завоеванных мест.» Генерал-

¹³ Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, с. 27.

¹⁴ Х. А. П и й р и м я з. Некоторые проблемы развития торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке. — Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1963, с. 24.

¹⁵ См. Ю. Е г о р о в. Общественно-политический строй и право Эстонии и Латвии (XVI—XVII вв.) — История государства и права СССР. Часть 1. М., 1967, с. 455.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (в дальнейшем — ЦГИА Латвийской ССР), ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 9.

¹⁷ A. S o o m. Ivangorod als selbstständige Stadt 1617—1649. — Sonderabdruck aus «Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat» 1935. Tartu, 1937, S. 215.

¹⁸ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 56—58.

губернатором был назначен князь А. Д. Меншиков. Представители эстляндского дворянства обратились к Меншикову и Петру I с просьбой о присоединении Нарвы к Эстляндии.¹⁹ Однако указом от 18 декабря 1708 г., когда Российское государство было разделено на 8 губерний, одной из них была Ингерманландская губерния с городом Нарва.²⁰ При очередном разделении Российской империи на 10 губерний Ингерманландская губерния была преобразована в Санктпетербургскую и город Нарва в 1719 году причислен к губернии Санктпетербургской.²¹ Фактически с 1704 по 1719 гг. магистрат города Нарва не принадлежал ни к какой губернии и не имел высшей судебной инстанции.²² В 1719 году Нарвский магистрат подчинили в судебных делах ведомству Государственной юстиц-коллегии для лифляндских, эстляндских и финляндских дел.²³ Таким образом Нарва, присоединенная в 1719 году к С. Петербургской губернии, была в свою очередь главным городом в провинции нарвской.

Магистрат разделялся на две камеры: в первой состояло два бургомистра — юстиции и полиции; вторую составляли президент, семь ратманов, два ассессора, нотариус, фискал и тринадцать человек «разных низших служителей».²⁴ Магистрат и вся провинция непосредственно были подчинены сенату и юстиц-коллегии и камер-конторе лифляндских и эстляндских дел.²⁵ Периодически в 18 столетии «Нарвский магистрат будучи уездным городом Петербургской губернии в

---

¹⁹ P. Osten-Sacken Die estländische Ritterschaft im ersten Jahre russischer Herrschaft. — Baltische Monatsschrift. Bd. 71. 1911, S. 79. Я. З у т и с, указ. работа, с. 79.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем — ПСЗ), т. 4, № 2218. П. Н. М и л ю к о в. Государственное хозяйство первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. СПб., 1892, с. 366—373.

²¹ ПСЗ, т. V, № 3380, т. VI № 4004. П. Н. М и л ю к о в, указ. работа, с. 445 и сл.

²² ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 4.

²³ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 4. Центральный государственный архив древних актов СССР (в дальнейшем — ЦГАДА), ф. 284, ед. хр. 297, л. 1 и сл.; ед. хр. 379, л. 1 и сл. По сведениям архива также и в 1828 году было направлено уголовное дело из Нарвского магистрата в Государственную коллегию лифляндских и эстляндских дел (ЦГАДА, ф. 284, ед. хр. 4826). Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел существовала с 1725 по 1832 г. (ПСЗ 28. XII 1832, № 5866). Камер-контора лифляндских, эстляндских и финляндских дел с 1736 по 1799. С 1832 г. в судебных делах Нарвский магистрат подчинялся сенату. Апелляционной инстанцией по делам, производящимся в магистрате г. Нарвы, был эстляндский оберландгерихт.

²⁴ А. В. П е т р о в, указ. работа, с. 349.

²⁵ Там же.

делах судебных был подчинен Петербургскому губернскому магистрату.»²⁶

Город Нарва со времени шведского правления и даже до 1724 года имел с городом Таллином одинаковые таможенные учреждения, которые, однако, должны были взыскивать пошлину не только с тех товаров, которые предназначались к торгу, но также и с ввозимых в г. Нарву продуктов. Другими словами, Нарва взыскивала более высшую пошлину нежели Таллин.²⁷ Указом от 31 марта 1747 г. было велено пошлинные деньги, собираемые с привозимой из-за моря соли в Лифляндию, Эстляндию и Нарву, высылать в Петербургское соляное комиссарство.²⁸

Указом сената от 24 октября 1751 г. Нарвской гарнизонной канцелярии (во главе с комендантом) предлагалось не вмешиваться в дела, относящиеся «до города, магистрата и городских жителей».²⁹

Законодательства 18 и 19 столетия неоднократно подтверждают всевозможные привилегии города Нарва.³⁰ Среди них грамота 31 мая 1731 г., которая имела много общего с грамотой, дарованной городу Тарту³¹ и жалованные грамоты г. Нарве в подтверждение прежних привилегий.³² В 1858 г. императором было утверждено положение комитета министров об устройстве питейного сбора в Прибалтийских губерниях и г. Нарве с 1859 по 1863 год.³³ В 1866 г. император утвердил мнение Государственного совета о дозволении свободного производства ремесел и содержания промышленных заведе-

²⁶ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 34. В качестве безвозездного заштатного города.

²⁷ См. Наказы от города Нарва. — Сборник императорского русского исторического общества, т. 147. Пг., 1915. (материалы Екатерининской законодательной комиссии, часть XIV), с. 235 и сл. (в дальнейшем — Сборник русского исторического общества).

²⁸ ПСЗ, т. 12, № 9386.

²⁹ Там же, т. 13, № 9892.

³⁰ См. Сборник русского исторического общества, с. 235—249. ЦГАДА, ф. 284, ед. хр. 2153, лл. 80—85 и др.; ед. хр. 2151, л. 3 и сл.; ед. хр. 5334, л. 2 и др.; ед. хр. 2153, л. 237 и др. (о привилегиях большой гильдии); л. 242 и др.; ед. хр. 2151, л. 12 и др.; ед. хр. 5334, л. 1 (о правах нарвского купечества); А. В. Петров, указ. работа, с. 373 и др.; материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. VI. Часть 1. Издание хозяйственного департамента министерства внутренних дел. СПб., 1883, с. 90, 91, 95, 96 и др.; Свод местных узаконений губерний остзейских, часть первая. Учреждения. СПб., 1845, ст. 3, прим. 2; ст. 1540; Часть вторая. Законы о состояниях. СПб., 1845, ст. ст. 1044—1048, 1065 и 1488. ЦГИА Латвийской ССР, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 409, лл. 41—43 и др.

³¹ См. ПСЗ, № 5766, № 1. 985 и № 5. 731.

³² См. там же, № 5766, № 8341, № 8649 и № 12 049.

³³ Там же, № 33.642.

ний, а также о порядке разбора споров между хозяевами и работникам в Прибалтийских губерниях и в г. Нарве.³⁴ Хотя в городе Нарве помимо местных жителей в состав купечества входил ряд русских торговцев из внутренних губерний России, однако их деятельность была подчинена контролю со стороны магистрата; им разрешалось торговать только товарами русского происхождения, а не т. н. «заморскими товарами.» Устав о Рижской коммерции от 7 декабря 1765 года являлся образцом для города Нарвы.³⁵ В 1782 году прибалтийские губернии были объединены с остальной Россией в единую таможенную систему. В таможенных вопросах г. Нарва подчинялся камер-коллегии, а с 1811 г. — начальнику С. Петербургского таможенного округа.

В Нарве была образована таможня III разряда, которая с 1865 по 1869 г. стала таможней I разряда. На таможенном пункте г. Нарвы взималась пошлина со всех товаров, которые привозились из других губерний России или вывозились туда. Из Прибалтики было разрешено беспошлинно вывозить водку в русские города.

30 июля 1768 г. предместье города Нарва или т. н. Ивангород был подчинен во всех делах Нарвскому магистрату.³⁶ В 1780 г. при новом образовании губернии в России было учреждено С. Петербургское наместничество. Теперь г. Нарва хотя и сохранил свое прежнее устройство, однако в качестве уездного города был причислен к С. Петербургской губернии в качестве уездного города вновь учрежденного Нарвского уезда, а в делах судебных был подчинен ведомству С. Петербургского магистрата, а в полицейских ведению губернского правления.³⁷ В Нарве образовали уездный земский суд, уездное казначейство, уездный дворянский сиротский суд и другие учреждения. В именном указе, данном сенату об утвержденных императором штатах 37 губерний в п. 6 было указано, что город Нарву, перешедший из управления губернского, с 1797 г. причислить к губернии С. Петербургской «для лучшей удобства и единообразного течения дел...»³⁸ И Нарвский магистрат был в 1797 г. вновь подчинен юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел.³⁹ В административном же отношении город Нарва был отделен от гу-

³⁴ ПСЗ, № 43.455.

³⁵ Там же, № 12518.

³⁶ Там же, № 13.156.

³⁷ Указ императора от 1 января 1780 г. ЦГАДА, ф. 284, ед. хр. 1668, л. 1. ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 9.

³⁸ ПСЗ, № 20.099.

³⁹ Там же, № 17.827.

бернии С. Петербургской и фактически не принадлежал ни к какой губернии.⁴⁰

В 1802 году (1 января) было указано, что «город Нарву, с 1797 года вышедший из управления губернского, причислить по-прежнему к губернии Санктпетербургской для лучшей удобности и единообразного течения дел.»⁴¹ Этим г. Нарва с 1802 г. снова был в административном отношении присоединен к С. Петербургской губернии в качестве безуездного, заштатного города, но с подчинением его в судебном отношении учреждениям Эстляндской губернии. Нарвский магистрат был до 1832 года подведомствен в административном отношении юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел (1725—1832) и камер-конторе лифляндских, эстляндских и финляндских дел (1736—1799). После 1832 г. в связи с упразднением юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел апелляционной инстанцией по судебным делам, производящимся в Нарвском магистрате, был определен эстляндский оберландгерихт.⁴² Несмотря на то, что с 1833 г. Нарвский магистрат в делах уголовных и гражданских был под ведомством эстляндского оберландгерихта, по делам полицейским город Нарва, как и прежде, оставался в ведомстве С. Петербургского губернского правления.⁴³ По делам казенным и городским доходам город Нарва был подчинен С. Петербургской казенной палате. Училища г. Нарвы принадлежали С. Петербургскому учебному округу. Права же ремесленников были (по ст. 1488, части второй, Свода местных узаконений губерний прибалтийских) частично урегулированы так же, как и в других прибалтийских губерниях.⁴⁴ Такое же положение сложилось и в отношении питейного сбора.

Несмотря на нахождение г. Нарвы в составе С. Петербургской губернии, права жителей г. Нарвы были более однородны с правами обитателей других городов Эстляндии.⁴⁵ Так, например, г. Нарва имел свое особое цеховое устройство (ст. ст. 1044—1048, часть вторая Свода местных узаконений губерний прибалтийских и примечание к п. II Приложения к

---

⁴⁰ ПСЗ, № 17.827.

⁴¹ См. там же, № 20.099; А. В. Петров, указ. работа, с. 429.

⁴² Там же, № 5866.

⁴³ См. там же, № 28.209.

⁴⁴ См. Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть вторая. Законы о состояниях. СПб., 1845, с. 182.

⁴⁵ См. Е. Влуменбах. Гражданское состояние (сословие) в России, а в частности в Прибалтийских губерниях, его права и обязанности, Рига, 1899.

статье 306 тома XI Уст. торг. по прод. II). Все живущие в г. Нарве ремесленники, записанные в тамошние цехи, освобождались по статье 1488 части второй Свода местных узаконений от рекрутской повинности в натуре на том же основании, как и в прочих городах прибалтийских губерний.

Вышеизложенное приводит нас к выводу, что Нарва со дня взятия ее Петром I не принадлежала никогда к административному составу ни вообще губерний прибалтийских, ни в особенности губернии Эстляндской. Она считалась причисленной сперва в виде особой провинции к С. Петербургской губернии. Нарва была безуездным (т. е. не была уездным) городом С. Петербургской губернии. В 1797—1802 гг. Нарва не принадлежала ни к какой губернии. Тогда нарвский магистрат, будучи уездным городом Петербургской губернии в делах судебных был подчинен петербургскому губернскому магистрату. О том, что г. Нарва со времени присоединения к России, никогда не входил в состав эстляндской губернии говорит то, что ни в Полном собрании законов, ни в других документах (указах) об этом нет речи. Напротив, из Полного собрания законов (№ 2218) видно, что г. Нарва при первом разделе государства на губернии, а именно в 1708 году, причислен был к С. Петербургской губернии. Это было подтверждено и при новом разделе губернии в 1719 г. (ПСЗ № 3380) и в 1720 г. (ПСЗ № 4004). Затем, будучи в 1797 г. исключен вовсе из губернского управления, не состоял ни в какой губернии (ПСЗ № 17827). Город Нарва через пять лет указом 1 января 1802 г. (ПСЗ № 20.099) был по-прежнему причислен к С. Петербургской губернии. Город Нарва во всех отношениях, за исключением лишь судебного, был подчинен учреждениям петербургской губернии. В Российской империи не было примера, чтобы какой-либо город был под ведомством судебного места другой губернии или чтобы управление его разделялось между двумя губернскими начальствами, как это было с городом Нарва. Нахождение городских имений города Нарвы в эстляндской губернии нисколько не могло служить основанием для причисления к этой губернии и самого города. Несмотря на нахождение г. Нарвы в составе С. Петербургской губернии, права жителей г. Нарвы были одинаковы с правами обитателей прочих мест прибалтийских губерний. Таким образом, в городе Нарве образовалось сложное подчинение: в делах уголовных и гражданских нарвский магистрат был подчинен эстляндскому оберландгерихту, в делах полицейских — С. Петербургскому губернскому правлению; а по делам казенным и по вопросу о городских доходах — С. Петербургской казенной палате. Одновременно влиятельные (русские) купцы, торгующие в г. Нарве (мясом), не могли при-

мириться с цеховыми и другими стеснениями, существующими в этом городе.⁴⁶ В г. Нарве было сохранено право выкупа (Näherrecht) местных граждан, которое было ликвидировано в Эстляндии 16 октября 1867 г.

В начале 1865 года городской магистрат и общества Большой и Малой гильдии города Нарвы обратились к правительству с просьбой о присоединении г. Нарвы в административном и судебном отношении только к Эстляндской губернии.⁴⁷ Вопрос о присоединении г. Нарвы к Эстляндской или С. Петербургской губернии обсуждался в 1858 году, однако решений не последовало. В 1873 году в г. Нарве было решено ввести Городовое положение 1870 г.⁴⁸ и у нарвского магистрата остались только судебные функции, административные же перешли к городской управе. В 1889 году были упразднены Нарвский магистрат и Нарвский фогтейский суд и взамен их были образованы в Нарве два мировых судебных участка, местный городской сиротский суд, Нарвское крепостное отделение, Нарвское податное управление, причем в Нарве с тех пор «имел свое пребывание» судебный следователь и товарищ прокурора Таллинского (Ревельского) окружного суда. В судебном отношении г. Нарва был причислен к Ракверско-Пайдескому (Везенберг-Вейсенштейнскому) округу и Таллинскому окружному суду по округу С. Петербургской судебной палаты.

В Нарве образовали новое городское самоуправление — Городскую думу, которая избрала исполнительный орган — Городскую управу. Теперь городское управление было построено на буржуазных принципах всеобщности и имущественного ценза.

Городская управа состояла из городского головы, являющегося председателем городской управы и одновременно председателем городской думы, и из двух членов. Все они должны были удовлетворять условия ценза, предъявляемого в городскую думу.

Городской голова утверждался в своей должности губернатором С. Петербургской губернии.

Городовое положение 1892 г. резко сузило круг избирателей.⁴⁹ Компетенция городских органов управления была еще

⁴⁶ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 959, л. 36.

⁴⁷ Там же, л. 122—123.

⁴⁸ Предписание Петербургского губернатора от 6. III. 2. V 1873 г. — Из архива князя С. В. Шаховского. Т. III. СПб., 1910, с. 254; А. В. Петров, указ. работа, с. 473. ПСЗ, собрание второе, том LII ст. 57101, том XLV, ст. 48498.

⁴⁹ См. М. И. Мышь. Городовое положение 11. VI 1892. СПб., 1910; А. А. Колычев. Городовое положение. Издание второе, СПб., 1910; P. Vihalem. Valimised kodanlikus Eestis. Tallinn, 1963, lk. 11—12.

более ограничена, контроль правительственных органов за их деятельностью усилен. Губернатору было предоставлено право в течение двухнедельного срока приостановить любое постановление городской думы не только в случае его незаконности, но и просто по мотивам «нецелесообразности». Городской голова должен был, следуя ст. 65 Городового положения от 11 июня 1892 г., испросить разрешение на проведение собрания гласных думы у губернатора. Городская дума стала представлять еще более узкий круг верхушки городского населения и была верным оплотом царского самодержавия. Благодаря покровительству царских чиновников и реакционному избирательному закону, местным зажиточным купцам удалось провести в состав городской думы своих людей. В городской думе и управе были в основном представители буржуазии, которые не считались с интересами широких слоев населения, а лишь стремились в качестве полновластных хозяев города употребить городские богатства для собственного обогащения.

Несмотря на осуществление ряда реформ, город Нарва сохранил свое особое гражданское право, вошедшее в кодифицированный в 1864 году том третий Свода гражданских узаконений губерний остзейских (прибалтийских).

Вопрос относительно территориальных пределов Нарвского городского права (смотри ст. XI Введения к части третьей Свода местных узаконений губерний остзейских по продолжению 1890 года) возникал неоднократно в истории города. В части третьей Свода местных узаконений губерний остзейских, содержащей постановления гражданского права, имелись правила, касающиеся города Нарвы и основанные на местном городском праве. Последние, как это видно из статей I и III Введения к Своду гражданских узаконений губерний прибалтийских, являются одним из видов законоположений, имеющих обязательную силу лишь на отдельных территориях (Rechtsgebiete). Главнейшим признаком, обуславливавшим пределы этих территорий, была подведомственность тому или другому из местных судов, ибо в статье II того же Введения (по изданию 1864 г.) было постановлено, что пространство территории совпадает с ведомством отдельных судебных мест. Согласно этому, там же в статье XI по отношению, в частности, к Нарвскому городскому праву было выражено, что право это служит руководством по делам, касающимся лиц и недвижимостей, подведомственных судебным местам города Нарвы.

Когда в связи с введением судебных уставов в полном объеме в губерниях Прибалтийских и в городе Нарве на основании закона 9 июля 1889 года прежние судебные органы были

упразднены, необходимо было точно определить границы города. В своде местных узаконений, часть первая, в статье 1535 было постановлено, что власть Нарвского магистрата и подчиненных ему органов ограничивается пределами города.⁵⁰ Статья 1533 указывает, что к ведомству Нарвского магистрата принадлежали:

1) **по личному состоянию:** все обыватели города Нарвы, предместий и патримониального округа (несмотря на личное их состояние, за исключением дворян, потомственных и личных);

2) **по имуществу:** все имения, лежащие в черте города, его предместий и его округа.

Однако в статье 1533 было в новой редакции 1890 г. упущено: «предместия и патримониальный округ» города Нарвы.⁵¹

Составители продолжения 1890 г., по-видимому, исходили из того, что под выражением «черта города» во введении к третьей части свода местных узаконений губерний остзейских следовало подразумевать не только самый город, но и его предместья, а также земли, принадлежащие к городу, т. е. входящие в его патримониальный округ.

Такая точка зрения нашла выражение (подтверждения) и в редакции статей VIII—X того же введения издания 1864 г. Там изложены правила о пределах применения Лифляндского, Эстляндского и Курляндского городских прав: в этих статьях везде встречается указание на «черту города», хотя управление магистратов в губерниях Прибалтийских распространялось также на предместья городов и на их патримониальные округа (сравни Свод местных узаконений губерний остзейских, издание 1845 г. часть I, ст. 457, 634, 642, 720, 1013-п. 2. и 1426).

Таким образом, отсутствие указания на предместье и патримониальный округ города Нарвы в статье XI введения к III части свода местных узаконений губерний остзейских, по продолжению 1890 г., может быть объяснено желанием сблизить редакцию этой статьи с изложением предшествующих ей и однородных по содержанию статей VIII—X и никаким образом не должно быть понято в смысле ограничения пределов действия Нарвского городского права вследствие введения в этом городе судебной реформы.

В законе 9 июля 1889 года о преобразовании судебной части в Прибалтийских губерниях, в статье 168 отдела I оговорено, что «постановления свода местных узаконений, коими определяется подсудность прежним судебным местам, на-

---

⁵⁰ Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть первая. Учреждения. СПб., 1845, с. 238.

⁵¹ О патримониальном округе см. ниже.

сколько ими обуславливается применение различных действующих в сих губерниях прав (Введение к III части Свода местных узаконений, ст. II—XII) сохраняют силу.» Составители продолжения 1890 года, очевидно, и сами не допускали иного толкования, т. к. подвели в цитатах изложенную 168 статью закона 9 июля 1889 г. не только под статью XI введения, но также и под остальные его статьи (II—X), в которых были изложены правила о районах (территории) применения отдельных земских прав (земских и городских). Такой вывод еще более подтверждается тем, что в тексте отдельных статей III части Свода местных узаконений губерний остзейских, по тому же продолжению 1890 года, там где предстояло заменить, в отношении города Нарвы, указание на «пределы городской подсудности», как например, в статьях 109 и 1869, вместо означенного выражения было включено указание не только на город, но и на его предместья и на патримониальный округ.

Таким образом, как до издания закона 9 июля 1889 г., так и после введения судебной реформы в прибалтийских губерниях, в предместьях и патримониальном округе города Нарвы должны были применяться постановления гражданского права, содержащиеся в III части Свода местных узаконений губерний остзейских со всеми последовавшими изменениями и дополнениями этих законоположений.

При распространении на Прибалтийские губернии Городового положения 16 июня 1870 г. патримониальные округа городов этих губерний в общественно-хозяйственном отношении были подчинены новому городскому общественному управлению.⁵² Однако Городовое положение 1870 г. было введено в Нарве на общем основании в 1874 г., тогда как в Таллине, Раквере, Пайде оно было введено в 1878—1879 годах. Вопрос о патримониальных округах прибалтийских городов был разрешен в 1877 г.⁵³

В городе Нарве действовало городское право: в Эстляндии — вне городской черты — действовало Эстляндское земское и крестьянское право. Подсудностью определялось применение к местным гражданам и их недвижимостям Нарвского городского или Эстляндского земского права, а также в подле-

---

⁵² См. ПСЗ, собрание второе, № 57101.

⁵³ См. ст. 2 императором утвержденных 26 марта 1877 г. правил — Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. VI, часть 2, издание хозяйственного департамента министерства внутренних дел. СПб., 1883, с. 69, 259 и 359; сравни: ст. 1952, т. II, часть 1. Общих губернских учреждений, издание 1876 г. и применение к ней по продолжению 1879 г. ПСЗ, собрание второе, № 57101.

жащих случаях Эстляндского крестьянского права.⁵⁴ Эта подсудность являлась важной основой разграничения пространства действия каждого из указанных прав, которые остались в силе и после введения в Эстляндской губернии и городе Нарве судебного преобразования по уставам 20 ноября 1864 г. (ст. 1905 устава гражданского судопроизводства).

В начале XX века по ходатайству Нарвской городской думы рассматривался вопрос о распространении на присоединенную к городу Нарве части имения Нетеберг (Nöteberg) действия особого прибалтийского гражданского права. Территория эта прилегалла непосредственно к Петровскому форштадту города Нарвы. Имение Нетеберг же было пожаловано городу Нарве в 1374 году гермейстером Вильгельмом фон Фриммерсгеймам. В начале XX века имение Нетеберг входило в состав Ямбургского (ныне Кингиссеп) уезда С. Петербургской губернии и сдавалось городским общественным управлением в арендное содержание частному лицу. Такие имения, примыкающие к городской черте и пожалованные городам верховною властью для удовлетворения их нужд, назывались в прибалтийских губерниях патримониальными. На них распространялась судебная, административная и полицейская власть соответствующих городов.⁵⁵ Наличие патримониальных округов было одной из особенностей в развитии городов Прибалтики.⁵⁶ Власть магистрата распространялась не только на самый город и предместья его, но и на патримониальный округ (если он был) с находящимися в них недвижимыми имениями, несмотря на личное состояние владельцев. Границы городских земских единиц (городских поселений) никогда компетентной (правительственной) властью утверждены не были. В некоторых городах, если граница, отделяющая город от мызы, когда-то и была как-то определена, в XIX столетии даже такое определение потеряло всякое значение, ибо патримониальные округа, представляя собой часть города, не имели почти ничего общего с городским поселением. Губернские органы считали патримониальный округ в составе города, т. е. под управлением городских органов, к уезду не принадлежа-

---

⁵⁴ Свод местных узаконений губерний остзейских, часть III, введение, статья II, III, IV, XI—XV.

⁵⁵ См. Свод местных узаконений, часть 1, ст. 457, п. 1; 642 п. 1, 1013, п. 2; 1232; 1424 п. п. 2 и 3; 1426 и 1522 п. 1.

⁵⁶ См. А. Т о б и н. Лифляндское аграрное законодательство в 19 столетии. Том 1, Рига, 1900, с. 14—19; История государства и права СССР. Часть 1. Отв. ред. К. А. Софроненко. М., 1967, с. 284; Ю. Егоров. Общественно-политический строй Эстонии (XIX в. — октябрь 1917 г.). Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 244. Труды по правоведению, Х. Тарту, 1970, с. 24 и 27.

щих. Пользуясь городским благоустройством, эти местности, т. е. патримониальные округа, платили соответствующие городские сборы. В начале XIX века на повестку дня встал вопрос об упразднении патримониальных округов города, не затрагивая гражданских прав (право собственности). Вопрос о патримониальных округах встал на повестку дня особенно остро после того, когда магистраты в 70-х годах XIX века были упразднены и городским управлениям было предоставлено ведать лишь экономической жизнью. Существование же патримониальных округов в создавшейся обстановке являлось «... совершенным анахронизмом.»⁵⁷ При распространении на Прибалтику Городового положения 16 июня 1870 г. патримониальные округа городов этих губерний были подчинены в общественно-хозяйственном отношении новому городскому управлению.⁵⁸ Имение Нетеберг этому положению подчинено не было. Это обстоятельство можно было бы объяснить тем, что Городовое положение 1870 г. было в г. Нарве введено на общем основании в 1874 г., тогда как вопрос о патримониальных округах прибалтийских городов разрешен был уже после того (ст. 2 императором утвержденных 26 марта 1877 г. правил). Вопрос был не о подчинении Нетеберга городскому управлению, а о присоединении к территории г. Нарвы части этого имения, не бывшего в подчинении Нарвских учреждений; имение Нетеберг, наоборот, состояло в составе территории городского округа (ст. 1533 и 1534 часть I Свода местных законов). Следовательно, Нетеберг не являлся подобно многим имениям городов Лифляндской губернии, как например, имений г. Риги: Salaspils (Кирхгольм), Ikškile (Иксуль), Лимбажи (Лемзаль), Lades (Ладенгоф) и др.; г. Пярну — Кастна и г. Тарту — Соотага и Садукюла (Саддокюль); г. Курессаар (нем. Аренсбург) (Кингиссепа) — Люманда (Лемманснэзе) патримониальным имением, а составлял поместье города Нарвы, как юридического лица, на общих о частной собственности основаниях в Ямбургском уезде С. Петербургской губернии. А так как на Ямбургский уезд не распространялось действие ни прибалтийских местных законов, ни Нарвского городского права, то оставалось признать, что в присоединяемой к г. Нарве части имения Нетеберг должны были действовать постановления тома X, части I Свода законов империи. Нарвская городская дума считала имение Нетеберг всегда подведомственным (полицейской и судебной) властям Эстляндской губернии и применяла там местные прибалтийские

⁵⁷ ПГИА ЭССР, ф. 296, оп. 108, ед. хр. 20, л. 24.

⁵⁸ Императором утвержденные 26 марта 1877 г. правила; ПСЗ, собрание второе, 57101.

законы. При этом Нарвская городская дума, в частности, ссылаясь на указ сената от 24 IV 1901 г. за № 4137 и на решение С. Петербургской судебной палаты от 8. III. 1891 г., что было мало убедительным: из указа сената видно только, что постановление Нарвской городской думы об отчислении $\frac{1}{5}$ из сумм, выручаемых г. Нарвою от отдачи в наследственное оброчное содержание участков земель городского имения Нетеберг, на планировку и устройство улиц в названном имении признано не противоречащим законным определениям Городового положения, причем сенат вовсе не касался вопроса о применимости к имению Нетеберг вообще института прибалтийских гражданских законов о наследственном оброчном содержании. Из решения С. Петербургской судебной палаты от 8. III 1891 г. явствует лишь, что дело по иску крестьян Мозесов к Нарвской городской управе о взыскании 700 рублей за возведение строений на полумызе Нетеберг совершенно правильно, ввиду принадлежности ответчика — города Нарвы — в судебном отношении к Эстляндской губернии, производилось в Таллинском окружном суде и было разрешено на основании местных прибалтийских гражданских законов. О том, что имение Нетеберг, как расположенное в Иоальской (Joala) волости Раквереского (Везенбергского) уезда Эстляндской губернии, входило и входит в пределы округа Таллинского окружного суда, следует указать следующее: у нас нет точных данных о том, когда именно и при каких условиях имение Нетеберг в полицейском и судебном отношении было подчинено властям Эстляндской губернии. Но из объяснения городской думы, что Нетеберг, пожалованный в 1374 г. под городской выгон, был преобразован в мызыный участок и сдавался в аренду одному и тому же лицу вместе с лежащим в пределах Эстляндской губернии городским имением Самокрасс (Samakrass) и что это продолжалось и после 1780 г., когда г. Нарва, а вместе с ним вероятно и Нетеберг были присоединены к С. Петербургской губернии. Следует, казалось бы, заключить, что такое подчинение Нетеберга судебным и полицейским властям Эстляндской губернии существовало с незапамятных времен, и Нетеберг, соединенный с Эстляндским имением Самокрасс в один хозяйственный состав, разделял судьбу этого имения в административном и судебном отношениях. Представляется возможным тот факт, что Нетеберг принадлежал к Иоальской волости Раквереского (Везенбергского) уезда, а следовательно, в юридическом отношении составлял часть земской территории Эстляндской губернии, на которую в таком случае распространялось действие эстляндского земского, а в надлежащих случаях местного крестьянского права (отд. IV введения к части III Свода местных узаконений

губерний остзейских по прод. 1890 г.), а не том X, части I Свода законов империи. Однако поскольку согласно императорского повеления от 9. XI 1901 г. присоединенная к г. Нарве часть имения Нетеберг составляла неразрывную часть территории г. Нарвы, то там в таком случае должно было бы действовать Эстляндское земское и крестьянское право, тогда как в городе — нарвское городское право. Это означало бы, что обыватели одного и того же города в своих юридических отношениях руководствовались бы различными правовыми нормами. При постановлениях закона и сохранении в присоединенной к г. Нарве части имения Нетеберг действия прежних гражданских законов означали бы, что юридические отношения обывателей этой присоединенной территории должны нормироваться иначе, чем в отношении граждан остальной части территории г. Нарвы. Так, например, гражданка г. Нарвы, вышедшая замуж за крестьянина, поселившегося в присоединенной части имения Нетеберг, лишалась ввиду прежней принадлежности к этой части имения к Иоальской волости права (при жизни мужа и детей) сделать завещание относительно своего недвижимого имущества, принесенного в приданое, а относительно движимого имущества могла сделать завещание не в пользу своих детей (Эстляндское крестьянское положение 1856 г., ст. 1059 и 1159), тогда как та же женщина, если бы поселилась с мужем в соседнем предместье г. Нарвы или в черте этого города, этого права не была бы лишена (Свод местных узаконений часть III, ст. 1984, 2000, 2004). Выморочное имущество, оставшееся после такой крестьянки в присоединенной части имения Нетеберг, должно было бы поступить в пользу Иоальского волостного общества (Эстляндское крестьянское положение, ст. 1148), а не в пользу города Нарвы (Свод местных узаконений, часть III, ст. 1967 и примечание 2 по прод. 1900 г.). Имущество же крестьянки, внесенное ею при вступлении в брак, хотя и находилось бы в заведывании мужа, но по смерти последнего или по прекращению брака сполна возвращалось, а имущество мужа досталось бы лишь смотря по тому, имела ли она детей или была бездетною, в целом составе или в двойном против ее приданого размере (Эстляндское крестьянское положение, ст. 1057, 1058 и 1061—1064); наоборот, то же имущество, если бы супруги жили в черте города Нарвы или его предместий, составляло бы одно целое с имуществом мужа, в котором жене принадлежало право на мыслимую половину, выделяемую ей как наследственную долю из всего состава наследства (Свод местных узаконений, часть III, ст. 67—69, 109, 1808, 1813 и 1863). Эти примеры достаточно убеждают в том, что личные и имущественные права граждан присоединенной к г. Нарве террито-

рии были бы существенно различны и нормирование этих прав в каждом данном случае, в особенности, когда разграничительная черта между означенными частями города с течением времени исчезнет, сделалось бы крайне трудным и едва ли даже возможным. Поэтому присоединение к г. Нарве части имения Нетеберг означало, что эта территория сделалась органической частью города Нарвы — наравне со всею остальной ее территорией и поэтому здесь следовало полностью применять только Нарвское городское право, а не Эстляндское земское или крестьянское право. Одновременно введения оговорки о том, что в присоединяемой части имения Нетеберг сохраняют силу прежние определения гражданских прав несомненно оградило уже возникшие на означенной территории юридические отношения и будущие юридические отношения от этого не пострадали, ибо были подчинены действующим в городе Нарве правовым нормам. Другими словами, возникшие до этого в присоединяемой части к г. Нарве части имения Нетеберг юридические отношения подчинялись действию прежних определений гражданского права.

Правительство в 1904 году решило изменить императором утвержденное 9. XI 1901 года положение Комитета министров и восстановить в этой части имения по-прежнему действие Эстляндских прав — земского (Свод местных узаконений губерний остзейских, ч. III, Законы гражданские изд. 1864 г.) и крестьянского.⁵⁹

В дальнейшем законодательство решило, что частьчислящегося в Кингисепском (Ямбургском) уезде, «непосредственно прилегающего к Петровскому форштадту города Нарвы и принадлежащего последнему имения Нетеберг, пространством в 63 десятины» включить в пределы названного города с тем, чтобы в присоединяемой к городу Нарве части имения Нетеберг продолжалось по-прежнему действие эстляндских прав — земского и крестьянского.⁶⁰

Еще в 1917 году территориальные пределы города Нарвы не нашли окончательного разрешения.⁶¹ Город Нарва входил

---

⁵⁹ См. выписку из журналов Комитета Министров от 27. IV и 11. V 1904 г. за № 1335.

⁶⁰ См. Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских продолжение 1912 г. с. 8. Примечание.; А. Нолькен. Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских. Издание второе. Часть II. Пг., 1915. Введение, с. 7, XI. примечание. Положение Комитета министров 1901, 9 ноября (20712); 1904, 11 мая (24509).

⁶¹ См. Ю. Егоров. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. II. Тарту, 1969, с. 105, 199—200.

по-прежнему в состав Петроградской губернии, а его пригороды (Кренгольм, Иоахимсталь и другие) — Эстляндской губернии. Временное правительство не присоединило пригороды к городу и Нарву к Эстляндской губернии.⁶²

---

⁶² К. Сийли в а с к. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Автореферат докт. дисс. Тарту, 1968, с. 19; Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР, ф. 78-і, оп. 1, ед. хр. 193.

СОДЕРЖАНИЕ

Ж. К. Ананьева, П. П. Касък, Э. Я. Лаасик. О развитии гражданского законодательства и цивилистической мысли в Эстонской ССР	3
Ж. К. Ананьева. О месте юридической службы в системе управления народным хозяйством	17
П. П. Касък. О правоотношении собственности и о субъективном праве собственности	29
Э. Я. Лаасик. О равенстве осуществления права общей совместной собственности супругов	49
Ю. А. Егоров. Развитие понятия нейтралитета в истории Эстонии (XIII—XVIII вв.)	65
Ю. А. Егоров. Городское право города Нарвы	76

Ученые записки
Тартуского государственного университета
Выпуск 370

Труды по правоведению
XVII

На русском языке

Тартуский государственный университет ЭССР, г. Тарту,
ул. Юликооли, 18.

Ответственный редактор В. Кельдер.
Корректор Н. Чикалова

Сдано в набор 3. XII 74. Подписано к печати 22. IX 75. Печ. листов 6,0. Учетно изд. листов 6,61. Тираж 400 экз. Бумага печатная № 2. 60×90, 1/16. МВ-05459. Зак. № 4816. Типография «Пярнүтриукк», ЭССР, г. Пярну, ул. Хоммику, 4.

Цена 66 коп.